

Ад НЕВИННЫХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Вячеслав Ракитянский

18+

Вячеслав Ракитянский

Ад невинных

«Автор»

2026

Ракитянский В.

Ад невинных / В. Ракитянский — «Автор», 2026

Мрачный поселок, не имеющий связи с внешним миром населен довольно странными персонажами; сумасшедший старик, поэтесса, пишущая отвратительные стихи, агрессивный качок и его взбалмошная девица, пара мечтающая свести счеты с жизнью и красавица Белла с мужем. Время здесь не имеет значения, а события повторяются каждый раз с новым продолжением, рискуя свести с ума их участников и каждый раз заставляя переживать самые страшные моменты их прошлого. Александр считает, что попал сюда случайно, но у администрации поселка особое мнение. Одновременно с этим где-то в другой жизни бедный художник из Нью-Йорка оказывается втянут в большие неприятности, связанные с подделкой дорогой картины а затем и с убийством босса мафии. Загадочная красавица оказывается настоящей ведьмой, и несчастный художник вынужден бежать в Мексику, где его ждет разгадка страшной тайны. Эти, на первый взгляд никак не связанные между собой пути сходятся в финале, чтобы показать, кто на самом деле должен платить по счетам.

© Ракитянский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вторник. Эпизод с картами	5
Глава 2. Овсянка и поэзия	10
Глава 3. Распорядок	14
Глава 4. Работа над собой	17
Глава 5. El infierno inocentes	24
Глава 6. Среда. Паук плачет	28
Глава 7. Проституция, фотоискусство и посредственная живопись	31
Глава 8. Черви Большого яблока	35
Глава 9. Среда. Сальса	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вячеслав Ракитянский

Ад невинных

Глава 1. Вторник. Эпизод с картами

– Значит так, сдаю по одной карте, рубашкой вверх. Ты её не открываешь. Не открываешь, говорю! Руки убери.

Я машинально прячу ладони, зажимаю между коленями, словно школьник, которому врезали линейкой по пальцам.

Вторую карту Боб кладёт перед собой. Смотрит на меня очень внимательно, как будто первый раз увидел и изучает. Мне неприятно глядеть в его глубоко посаженные глаза. У Боба иссиня черные расширенные зрачки. Под матовой оболочкой совсем нет света, ни искры, ни малейшего намёка на проблеск. И жизни нет. Наверное, такой взгляд должен быть у беса. Меня холодком прошибает, я вздрагиваю и сосредотачиваюсь на цветастой рубашке карты. Кажется, рисунок этот называется китайский огурец. В тот самый момент, когда я разглядываю узор, мне закладывает уши. Так бывает в самолёте при наборе высоты. И ещё сердцебиение участилось. Ощущения настолько сильные, что голос Боба становится глухим, словно мой карточный партнёр из-за стенки вещает, хотя он сидит напротив меня. Думаю, что со здоровьем у меня и вправду не всё в порядке. Это не мудрено, принимая в расчет то, что со мной произошло несколько дней назад.

– Смысл игры простой, мы проверяем твою интуицию. Понятно?

Я послушно киваю, при этом разглядываю пёстрые огурцы, которые начинают двигаться, словно потревоженные опарыши. С замиранием сердца жду указаний Боба.

– Для начала попробуй просто определить цвет.

В его голосе уже не чувствуется ноток превосходства, сейчас мы на равных. Я настраиваюсь на карту, но выбрать оказывается не так просто, хотя всего-то два варианта. Вроде бы ерунда, сущая безделица. Но господа, как же сложно!

– Я не могу.

– Думай о чём-нибудь, – подсказывает Боб.

– О чём?

– Я откуда знаю? Первое, что в голову придёт о том и думай.

И я начинаю думать. В голове крутятся обрывки воспоминаний, похожие на детские страхи.

Ярко освещенная комната. Стены и пол выложены белым кафелем... на полу тёмное пятно. Инструменты. Много блестящих медицинских инструментов.

Внезапно мне становится страшно, просто так, без видимой причины. Какой-то животный страх. Я даже не задумываюсь, просто отгоняю видения.

Почти сразу окружающее пространство наполняется людским гомоном, криками, суматохой и шарканьем сотен ног. Страх постепенно оставляет меня. На голову давит раскалённый полуденный шар, воздух наливается духотой, вокруг сутолока, пряные запахи, смех, липкие лужи, заискивающие взгляды и непринуждённый обман – неизменные составляющие любого южного базара. Присматриваюсь и понимаю, это действительно рынок. Самый настоящий мясной ряд, где всё пронизано запахом молока, помоев и мертвечины. Меня пихают в спину, и я натываюсь на металлический стол, укрытый выцветшей клеенкой. Прямо у меня под носом в лучах солнца поблёскивает бурое как свекла коровье сердце. Кажется, что оно ещё дымится,

настолько свежее. По ту сторону прилавка кавказец с грустными глазами. Сквозь впалую кожу щёк пробивается щетина.

– Слющай, бэри! – умоляет кавказец, – очень хороший.

Хочу удержать равновесие, облакачиваюсь на стол, и ладонь моя вязнет в липкой луже. Сначала я злюсь на того, кто толкнул меня в спину, потом радуюсь, ведь это всего лишь моё воображение, и оно мне подсказывает нужную связку: кровь – сердце – черви – красный. Логическая цепочка верна, цвет угадан. Но уже в следующую секунду я понимаю – нет, это не подходит. Слишком уж всё просто, этак не бывает. Попробуем ещё раз.

Кадр послушно сменяется. Теперь я вижу водоём, опушку леса и тропинку, убегающую вверх. Впереди меня идёт девушка. Я разглядываю её попу, обтянутую джинсами. Это Юля. Хорошая девушка, мы учились на параллельных в *Сеченовке*, я на ИПО, а она на *стомате*, вроде.

Но у нас как-то не срослось. Наверное, по причине её хорошесть, а может из-за моей никчёмности. Она была чужая девушка, а я её увёл, сам не знаю зачем. Даже подрался с её тогдашним женихом. А потом взял, да и отказался от неё. Не срослось у нас, не получилось, скучно стало.

И опять постная аналогия: любовь – не срослось – сердце – черви. Мне не нравится, что у меня всё так просто получается, до тошноты банально, но мне трудно напрягать мозги. Не могу понять, лень это или усталость. А может быть всему виной моё состояние. Это здорово раздражает, я сначала злюсь, а потом меня внезапно накрывает апатия, и я сдаюсь.

– Красный.

– Хорошо подумал? – интересуется Боб.

Киваю и тянусь к карте.

– Руки! – голос у Боба в этот момент жесткий, стальной.

И я испуганно срываюсь на крик, покрываюсь мурашками и вздрагиваю как капризный ребёнок, которого подловили на вранье.

– Да хорошо я подумал! Хорошо!

Мне тошно, потому что я понимаю, это не так. И обманываю я не столько Боба, сколько себя. Ни хрена я не подумал! Боб молча наблюдает, а меня выкручивает от нетерпения и в моём голосе проскальзывают страдальческие нотки.

– Ну, открывать что ли?

Нервничаю, словно дитя. Моя ладонь уже накрыла карту. Мне странно, что я так переживаю. Не могу понять, откуда взялись эти перепады настроения.

– Ладно, открывай, – соглашается Боб.

Переворачиваю. Никаких червей. Мало того – даже никакой не красный, а совсем наоборот – крестовая девятка. Черная и костлявая, совсем непохожая ни на коровье сердце, ни на Юлину попку. Нужно признать, что моя интуиция на нулевом уровне, как у амёбы.

Очередь Боба. Он сосредоточенно смотрит на свою карту. Затем на стоящий в углу сундук. Что таится в этом сундуке? Может там подсказка? Я не успеваю развить эту мысль, а Боб уже отвечает.

– Валет трэф.

Вальяжно тянет руку к карте, переворачивает. Сначала смотрит сам, затем бросает её на стол. Я склоняюсь над картой, на которой изображен молодой повеса в камзоле и при шпаге. Надменный такой, самодовольный. Мне даже померещилось, что он слегка повернул голову и снисходительно усмехнулся.

Валет трэф, чёрт его подери! Валет трэф! Мой противник мухлюет, это как пить дать. Ну да ладно, я не стану в дебюте права качать, посмотрим, что дальше будет. Ещё немного и я раскрою хитрость Боба, но вопросы здесь пока задаёт он.

– Ты о чём думал, паря? – спрашивает Боб.

Смотрит в упор, но взгляд его меняется. В черных зрачках появляются огоньки, проблёскивает жизнь. Нет, на чёрта он больше не похож, улечучивается бесовское.

– Какая разница... так, ни о чём.

– Мне нужно знать. Иначе, мы с тобой далеко не уедем.

Мне не хочется признаваться про Юлину попу, и я отчаянно вру. Боб останавливает меня жестом. Конечно, он все понял. Боб сосредоточен, серьёзен и вообще производит впечатление хитрого всезнайки. Нет, он точно жульничает.

– Ладно, хватит. Давай сначала. Только на этот раз, думай о чём-то серьёзном, хорошо? О чём-нибудь значительном, о том, что важно для тебя или для кого-то из близких. Договорились?

Я ухмыляюсь. То, о чём я думал, было достаточно значимо для моей девушки, да и для меня тоже представляло интерес. Впрочем, откуда мне знать, что думала Юля на самом деле.

– Договорились. Только это... давай я сдам.

Заранее злорадствую, предвкушая, что сейчас выведу противника на чистую воду, но Боб спокойно протягивает мне колоду. Я перетасовываю карты, опускаю руки ниже уровня столешницы, таким образом, чтобы партнер не видел моих манипуляций, но похоже его это мало волнует. Тем временем я краем глаза пытаюсь рассмотреть картинки, прошупываю пальцами картон. Колода не краплёная, совершенно обычная.

Сдаю. Теперь Боб угадывает первым. Он почти сразу отвечает, даже на карту не смотрит.

– Валет треф.

– Опять? Да ладно, быть этого не может!

Боб поддевает карту ногтем и переворачивает. Только сейчас заметил, какие у него длинные, ухоженные ногти. А что там на карте? Всё тот же молодой человек со шпагой. Только теперь он уже открыто и издевательски показывает свои белые зубы.

– Сука! – я звонко шлёпаю ладонью по краю стола.

– Давай поменьше эмоций, это мешает.

– Хорошо.

– Теперь ты, паря. Только думай сначала.

Мы начинаем новый круг, сдаёт Боб. Смотрю на огурцы, затем на сундук в углу – может там и вправду подсказка – и снова на карту. Огурцы меня заинтересовали. Это уже не просто шевеление личинок, там секрет есть, как в чемодане с двойным дном. Нечто этакое темное и тайное, о чем до поры до времени не вспоминают. Как о зашитой в ворот рубахи ампуле с цианидом. Кстати, по поводу рубахи!

У моего отца была рубашка в китайский огурец. Чёрная с красными и зелёными завитушками, из самого что ни на есть Китая.

– Папа, ты куда?

– Он за лимонадом, – не раздумывая, отвечает мама.

Я не верю и ловлю его за рукав уже в прихожей. Он поворачивается очень медленно и смотрит на меня сверху вниз. Я вижу волосы у него в носу. Чувствую его запах, крепкую мужскую эссенцию из табака, пота и мочи.

– Я за хлебом.

– С чемоданом?

Он смотрит на чемодан, на меня. Ничего не говорит, разворачивается и уходит. Хлопает входная дверь, лампочка под потолком жалобно пульсирует. И гореть не хочет, и погаснуть сил у неё нет. Горит всё-таки. Я удовлетворенно киваю и иду в комнату, ждать лимонад. Или хлеб.

В следующий раз я увидел отца через семнадцать лет. Без хлеба и лимонада, но всё с тем же чемоданом. Теперь уже я смотрел на него сверху вниз. И снова чувствовал запах. Это был запах смерти.

Отец умер в номере гостиницы ровно через две недели, после своего визита ко мне. Совершенно одинокий и надломанный бессмысленным существованием человек. Погас как свет, который забыли оплатить.

Это сейчас я жалею, что не позволил ему остановиться у нас дома. Побывать рядом всего несколько дней...

Жена сверкнула карими очами так, что я понял и без слов – отец будет нам в тягость, ведь мы только-только начали обжигаться на новом месте. Я в тот момент испытал несколько чувств одновременно: горечь, стыд и нечто скользкое, отдаленно напоминавшее облегчение. Предательская отговорка, что не я отказал, а именно «мы отказали» – сработала. Это предательское «мы» потом ещё долго по жизни меня преследовало, и я использовал это «мы» тогда, когда мне было выгодно. И не использовал, если мне это было неинтересно.

– Чёрный.

Я тянусь к карте, но Боб перехватывает мою руку.

– Точно?

– Точнее не бывает, – уверенность у меня не только в словах, но и в жесте.

– Почему?

– Что почему?

– Объясни своими словами, почему именно чёрный.

– Хорошо. Зелёный отпадает, это и так понятно, красный тоже, потому что... потому что основной тон был чёрным. Ну, спроси меня – какого цвета была рубашка, ответил бы – чёрная.

– Какая рубашка?

– Отцова.

Боб кивает, и я переворачиваю карту. Пиковая семёрка. Ну вот, работает. Меня это заводит, я уже хочу продолжения, хочу играть и угадывать, о чём и сообщаю Бобу.

– Не угадывать, а определять.

– Это так важно?

– Это принципиально важно, Саша.

– Боб, давай ещё.

– На сегодня хватит. По пятницам будешь приходить вместе со всеми, а в остальные дни, когда захочешь.

– По пятницам во сколько? – спрашиваю.

– Здесь время не имеет значения.

Боб при этом хитро щурится, а я пожимаю плечами, недоумение показываю. Я ещё не совсем привык, мне многое непонятно. Хочу подловить его на *пятнице*. В конце концов, что за двойные стандарты такие, если время *здесь* не имеет значения? Тогда какая к чёрту пятница?

– Это не время, это график... расписание, – объясняет Боб.

– Какой ещё график?

– Утверждённый. В пятницу утром разбор полётов, раздача пряников и кнута. Увидишь, это самый лучший день.

– А сегодня?

– Сегодня вторник.

Мы прощаемся, и я выхожу на крыльцо.

Как я попал в этот паноптикум, расскажу позже. Сейчас в двух словах о некоторых обитателях и о месте их проживания. Сначала о лагере. Именно так они его называют. Несколько комфортабельных бунгало, расположенных в строгом порядке по обе стороны единственной улицы. Все домики похожи как братья-близнецы. Мой не исключение. Он по соседству с домом Боба.

В конце улицы бунгало Сэма, управляющего здешней богадельней. Сэм хитрый худошавый живчик лет шестидесяти, с маленькой плешивой головой, веселыми искорками в глазах и таким смешным прищуром. Он наигранно вежлив, обходителен и педантичен как налоговый инспектор, который сдаст тебя при первом удобном случае. Его жену и двух сыновей я пока не видел, не успел.

Я здесь второй день, причём вчера несколько часов провалялся в постели, и вышел на улицу, только когда солнце спряталось за вершину горы.

Тем же вечером, когда курил на веранде, заметил, как по тропинке между домами идёт очень красивая женщина, насколько можно было разглядеть в темноте. Она показалась мне привлекательной, может быть потому, что просто посмотрела в мою сторону. А может из-за того, что в сумерках они все кажутся идеальными и теплыми, словно вылепленными из воска. При свете дня всё меняется, солнце превращает их в холодный фарфор, готовый разбиться при малейшем прикосновении. Но я всегда надеялся, что когда-нибудь утром застану свою женщину мягкой и податливой.

Я на всякий случай проследил, в какой именно домик она зашла. Подумал ещё, что ради этой женщины можно остаться в этом чёртовом лагере на какое-то время, потерпеть.

А утром у меня в комнате появился Боб. Широкоплечий, уверенный как гора. Крепкая большая голова, черные волосы и бычья шея. Он тут вроде психоаналитика и как я понял, ведёт по пятницам игрища в своём интуитивном казино. Тогда же я и расспросил его о женщине, которую заметил вечером.

– Белла. Не советую, молодой человек, – Боб скептически поморщился и покачал головой.

– Что так?

– Я вообще не советую крутить романы с замужними женщинами. Тем более, если у них ревнивые мужья.

Я ответил, что мне не привыкать. Это, конечно же, была бравада, но Боб уцепился за мою фразу. Глазами блеснул и носом повёл, словно волк почуявший запах развороченной пашины.

– Ну-ка, ну-ка. Не хочешь рассказать?

Я быстро замаял тему. Именно потому, что был в курсе каково это: стоять лицом к лицу с обманутым мужем. Боб не настаивал, сказал, что времени у нас будет достаточно и у меня от этих слов холодок побежал по позвоночнику.

– Через неделю, полторы, когда ты тут пооботрёшься немного, мы с тобой об этом поговорим, хорошо?

– Я не собираюсь тут торчать целую неделю.

Боб пожал плечами и ничего не ответил. А потом предложил пойти к нему и перекинуться в картишки.

От него я узнал о некоторых обитателях лагеря. Кроме семьи Сэма, Беллы с мужем и самого Боба, в поселке находилась ещё дюжина типчиков, с которыми мне предстояло в скором времени познакомиться. Две молодые влюблённые парочки занимают крайние домики у самого леса. Рядом с ними ещё одна семья с ребёнком. По описанию Боба – натуральные ботаны. Он профессор, его жена преподаватель университета. Ещё один тип, самый настоящий сумасшедший, помешанный на *вуду*. Остальных я не запомнил.

Глава 2. Овсянка и поэзия

Есть не хотелось, но когда зашёл Боб и предложил позавтракать, отказываться было глупо. Я не знаю местного распорядка, и когда будут кормить в следующий раз – одному господу ведомо. Денег у меня нет, да и неизвестно имеется ли на территории лагеря супермаркет или какая-нибудь забегаловка.

Мы выходим на дорожку, вымощенную камнем, и направляемся в конец улицы. Почти все местные аборигены уже идут в направлении столовой. Среди прочих, я безошибочно узнаю двух ботанов, в комплекте с их сыном, тщедушным очкариком. Сумасшедшего поклонника Вуду идентифицирую по всклокоченной шевелюре, стремительной походке и нездоровому воодушевлению.

Белла, как будто специально задерживается на веранде, пока её муж спускается по ступеням. Она встряхивает головой, поправляет рукой длинные прямые волосы, скользит по мне взглядом. Теперь я могу хорошенько её рассмотреть. Не женщина – мечта. Плотно сбитая, высокая и загорелая. Мне нравятся женщины, у которых выпукло то, что должно быть выпуклым – бедра, грудь, животик.

Лицо Беллы, помимо воли притягивает мой взгляд. Поднятые вверх уголки глаз, пухлая нижняя губа. Описывать можно бесконечно долго и бесконечно долго ходить вокруг неё кругами. Точно знаю, такие женщины не для меня. Нет у меня шансов.

Вижу, что Боб внимательно за мной следит.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Даже не думай, – цедит он сквозь зубы.

Муж Беллы обжигает меня недружелюбным взглядом. Видимо, в каждом видит соперника. Тяжела ноша, что тут скажешь. Он подходит к нам, протягивает руку. В тесных рукавах футболки задыхаются его рельефные накачанные банки.

– Альберт.

– Саша.

Он так крепко стискивает мою ладонь, как будто хочет показать всю свою силу. Ну и я поднажал – знай наших.

– Это тебя вчера подобрали?

Мне не нравится ни сама фраза, ни то, как Альберт её произносит. Во-первых – *подобрали*. Я что, беременная кошка или полуголодный щенок? Во-вторых, меня возмутил тон, которым это было сказано. Этаким развязно-презрительный. А в-третьих, нас тут не так уж и много *вчера подобранных*, выбирать особо не из кого. Несмотря на возмущение, я давя в себе самолюбие и отвечаю с интонацией беременной кошки:

– Да, меня.

Альберт останавливается, дожидается жену. Мы с Бобом уходим вперёд. Мне противно до тошноты.

– Ты испугался, – говорит Боб.

– С чего бы?

– Вот и я думаю, с чего?

– Слушай, крутить тут роман я не собираюсь. Оклемаюсь немного и пока-пока. Arrivederci, понял? Меня дома ждут.

– Кто?

– Конь в пальто.

Это была неправда, дома меня никто не ждал. После того как моя *врачебная практика* внезапно закончилась я остался на мели и престал быть интересен абсолютно всем. Жена, кото-

рая спит и видит, когда я уже наиграюсь в неудавшуюся семейную жизнь и свалю на съёмную хату. Дочка от первого брака, которая и не дочка совсем, а настоящая леди на выданье. Пёс, который меня не слушается, кот, которого я ненавижу. Единственные живые существа, ожидающие моего появления с распостёртыми объятиями – кредиторы. Но мне им нечего сказать. Вернее, им вряд ли понравится то, что они услышат.

Я долго топчусь вокруг столика, пока не устраиваюсь таким образом, чтобы держать в поле зрения Беллу и в то же время скрыть свой интерес к ней. Боб только посмеивается беззвучно. Такое ощущение, что для него это продолжение игры в карты. Все окружающие, словно подопытные животные. Он внимательно наблюдает, анализирует. Боб в курсе всего, что творится вокруг.

Появляется молодая пара. Этим я ещё не видел. Нервный парень и девица. Оба садятся у окна. Он развалился на красном диване, закурил и часто затягивается, рыщет глазами по залу. Находит меня и теперь не спускает колючих глаз. Его спутница из той породы взбалмошных девиц, от которых никогда не знаешь, чего ожидать в следующую секунду, да и выглядит она соответственно. Как правило, подобные создания носят средней длины ровные волосы, едва достающие до плеч и широкие длинные юбки. Девушка трещит без умолку, ёрзает на стуле и постоянно дёргает парня за руку. Тот только молча кивает, но видно, что все её слова не достигают его ушей. Пролетают мимо, прыгают по столешнице, рассыпаются по полу и пугают тараканов под красным диваном.

– Это Майки и Саша – говорит Боб, перехватив мой взгляд, – довольно странная парочка. Она явно ему в тягость, но он за неё убить готов.

Час от часу не легче. Ещё один Отелло. Не слишком ли много, для небольшого поселка.

– Кто из них Саша? – спрашиваю я.

– Девушку зовут Саша. Она твоя тёзка.

К нашему столику направляется невысокая дама, убийственно неопределённого возраста. Она ещё издали начинает сладостно улыбаться.

– Здравствуйте.

Я приподнимаюсь, и понимаю, что дама протягивает мне ладонь не для рукопожатия, а для поцелуя. Мне никогда не нравились эти ветхозаветные штучки, поэтому я беру её пухлую ладошку, разворачиваю и пожимаю.

– Простите, никак не могу привыкнуть... – извиняется дама и присаживается за наш столик, – я вся там... в том времени.

Она взмахивает рукой, показывая в каком именно времени её следует искать, если вдруг что.

– Вы не возражаете? – запоздало спрашивает дама и переводит взгляд с меня на Боба и обратно.

Я возражаю, но молчу. Боб не возражает и всеми силами пытается это показать.

– Ну что вы, конечно-конечно, присаживайтесь. Мне всегда приятно ваше общество. Это Александр, Саша.

Боб кладёт мне на плечо руку, я киваю.

– Серафима, – при этом дама склоняет голову на бок. – Вы любите поэзию, Саша?

– Очень, – отвечаю я, хотя терпеть не могу стихов.

– Я так и поняла. Знаете, вам повезло. Я пишу стихи. Как только вас увидела, сразу подумала – этот человек не может быть равнодушен к поэзии.

Вот и хорошо, вот и думай себе на здоровье. Самое ужасное наступит тогда, когда ты начнёшь декламировать. Очень надеюсь, что это будет не прямо сейчас, – думаю я.

– У нас впереди будет много поэтических вечеров, – обещает Серафима и меня начинает мутить.

Я с надеждой смотрю в сторону дверей, ведущих на кухню. Быть может порция овсянки заставит её замолчать. Но двери остаются закрытыми, лицо Серафимы наполняется поэтической грустью, её уже несёт:

*Стенания мои не слышны богу,
Я возделаю, это ли грешно?
Зачем, скажи, ты смотришь на дорогу,
Ужель...*

В этот момент двери открываются, и безумная поэтесса замолкает. Мне остаётся только гадать, по поводу чего были стенания Серафимы.

В зал входят трое из ларца, напоминающие мясников. Каждый бережно катит перед собой хромированную тележку с дымящимися кастрюльками. Когда одна из кастрюлек оказывается у нас на столе, я улавливаю характерный запах. Так и есть, это овсянка. Я заговорщи-чески толкаю Боба локтем.

- Что?
- Я угадал. Про овсянку.
- Да? – Боб рассеянно кивает головой.
- Я подумал, и вот – получилось! Я угадал, Боб.
- Именно, что угадал.

Я злюсь, мне хочется ответить, что я перепутал, что я именно определил это. Но ещё больше злюсь оттого, что Белла, за которой я всё время украдкой наблюдаю, как будто нарочно смотрит куда угодно, но только не на меня.

А тут ещё и растревоженная поэтессова душа добавляет яду в окончательно отравленное утро:

*Мне жаль немую скупость полустанка,
Когда прогрохотав по полотну,
Уходят поезда, а я как самка,
Ищу в тебе и в каждом новизну.*

При этом Серафима томно смотрит мне в глаза и поигрывает маленькой ложечкой, которая кружится в тарелке с овсянкой, как заблудившаяся на свалке балерина.

– Божественно, – говорит Боб.

Ничего не остаётся, как кивнуть в знак согласия. На самом деле у меня только Белла на уме. Вижу, как она наклонилась к Альберту и что-то шепчет ему на ухо. Она закинула ногу на ногу, я наслаждаюсь грацией и мысленно забираюсь под подол её василькового сарафана, скольжу губами по плотным бёдрам.

Торопливо глотаю мерзкую размазю, хочу выйти из-за стола, прежде чем услышу свежую порцию поэтических рыданий. Я бормочу Серафиме масляную любезность и неловко развернувшись, роняю стул. Вижу, что Белла таки снизошла, посмотрела в мою сторону. Может быть, виной этому упавший стул, или причина все-таки во мне... не знаю. Надеюсь на послед-нее.

- Боб хочет удержать меня у столика.
- Подожди, а пиво?
- С утра? – спрашиваю я и недоумеваю. – Сейчас не больше девяти часов.
- Ты забыл? Время не имеет значения.

Я отмахиваюсь.

Пробираясь к выходу, встречаюсь взглядом с Сашей, которая не перестаёт трепать языком. Её парень поедает овсянку, не выпуская из пальцев сигарету. Я вижу только его коротко стриженую макушку с нимбом табачного дыма. Жуть какая-то.

На улице настоящее пекло. Оно окутывает мою голову словно тёплое полотенце. Отхожу чуть в сторону и сажусь под пальмой. Зря отказался от пива. Вижу, как по дорожке идет местный управляющий Сэм, следом его семья: жена и двое пацанов лет пятнадцати. Сэм приветливо машет рукой, сворачивает с дорожки, и шлёпает по траве, прямо в мою сторону. Держится в полоске тени, которую отбрасывает пальма, что у меня за спиной.

– Ну что, как самочувствие?

– Всё в порядке.

– Позавтракал?

Киваю. Слишком жарко, чтобы отвечать на формальности.

– Зайди, мне надо с тобой поговорить.

Снова киваю, и Сэм воссоединяется с семьёй. Его жена производит приятное впечатление. Толстушка лет пятидесяти с передозировкой доброты на розовом лице. Дети знают себе цену, это чувствуется – наш папа главный.

Вокруг меня аккуратные домикам и безупречные деревья. Каждое растение, именно там, где должно быть. Над зыбкими верхушками пальм – декупаж горной гряды приклеенный к лазури неба. От всего этого порядка тошнотное чувство, как после двухнедельного пребывания на средиземноморском курорте. Когда уже невыносимо хочется родной грязи, переполненных мусором бачков и поломанного асфальта. Меня не покидает чувство, что я надолго застрял в этом суррогатном раю. Гадкое ощущение собственного бессилия. Ведь я не здесь сейчас должен находиться. А где?

Наконец, в дверях столовой появляется Боб, слава богу – один. Видимо, Серафима все еще занята поглощением геркулесовых хлопьев. А может быть подвисла на чьих-то свободных ушах. Возит ложкой по тарелке и гадит стишками.

– Какие планы? – спрашивает Боб.

– Никаких... Сэм просил зайти, – вспоминаю я.

– Зайди, это нужно сделать.

Боб направляется к своему бунгалу. Внезапно мне в голову приходит мысль. Пожалуй единственная здравая за весь сегодняшний день. Я поднимаюсь и догоняю Боба уже возле его дома.

– Слушай, тут станция поблизости есть? Или автовокзал...

Боб поворачивается, и я вижу, что он в некотором затруднении. Киваю вопросительно, Боб отводит взгляд. Мне кажется, или он напуган? Очень уж медлит с ответом.

– Не стоит задавать подобных вопросов.

– Да брось! Что такого?

Боб оглядывается по сторонам. Так и есть, он нервничает.

– Сходи к Сэму, а потом мы это обсудим. С глазу на глаз, хорошо?

– Хорошо.

Глава 3. Распорядок

– Ну, ты и пристроил вчера! Я думал, что уже не откачаем.

Сэм весел и добродушен, его жена хлопчет по дому, изредка заходит в комнату, где мы понемногу уничтожаем содержимое хрустального графина. По вкусу напиток смахивает на виски, но вот градусов в нем определенно больше.

Сэм первый, кого я увидел вчера днём. Был он и ещё один из тех, что развозили овсянку в столовой, хотя, я могу и ошибаться. Но Сэма я запомнил.

Сейчас скажу пару слов о вчерашнем дне, а потом вернусь к нашему с ним разговору.

Так вот, попал я сюда совершенно случайно, как именно – остаётся загадкой. Очнулся под жутким солнцепёком, сколько провалялся на песке, точно сказать не могу. Видимо долго, потому что в глотке пересохло, и башка просто раскалывалась от жары. Даже не стал задаваться вопросом, какого чёрта меня занесло в пустыню. Единственно, о чём думал – как добраться до горной гряды к востоку от меня. Это был единственный ориентир, сколько глаз хватало. Мне удалось дойти до солончака, дальше я всё помню довольно смутно. В голове плещется расплавленный гудрон, в ушах тарыхтит винтовой компрессор, нагнетая давление. Вот-вот голова разорвётся на куски, и я окрашу песок горячей чёрной жижой. А перед глазами только вода... вода и вода. Бирюзовая и прозрачная. Я в жизни не видел такой чистой воды даже на море, чего уж говорить про Серебряный бор и Пахру.

Потом стало совсем темно, скорее всего, я вырубился. А затем услышал голоса. Меня называли по имени.

Очухался я в бунгало и сразу увидел Сэма. Он собирал штатив от капельницы и ещё какое-то медицинское оборудование, я не разбираюсь. Рядом крутился один из облуги, здоровенный парень с глубоким шрамом через всё лицо. Сэм о чём-то спрашивал, но у меня даже сил не было ответить. Вот, собственно, и вся прелюдия.

– Ты не стесняйся, наливай сам, если хочешь.

Я немного стесняюсь, но всё равно наливаю. Сначала Сэму, затем себе.

– Так о чём вы хотели поговорит? – спрашиваю.

– Хотел несколько прояснить ситуацию и рассказать о распорядке, – отвечает Сэм и поворачивается к двери. – Мария, будь добра наше расписание принеси... оно там, возле коммутатора.

– Что ещё за распорядок?

– Тот, которого тебе придётся придерживаться пока ты под моей юрисдикцией.

– Подождите, подождите...

Тяжёлый стакан дрожит у меня в руке, и кусочки льда предательски тарабанят по стеклу.

– Да не переживай ты так, – дружелюбно улыбается Сэм.

– Я что, в пионерском лагере, или как он тут называется? Лагерь скаутов, пансионат принудительного лечения!

Входит Мария, прижимая к груди папку ядовито синего цвета. Протягивает мужу и улыбается так кротко, что её спокойствие передаётся и мне. Но всего на миг. Как только она поворачивается и уходит, меня опять охватывает паника. Тем временем Сэм кладёт на стол листок с текстом.

– Это формальность, не более.

– Что именно?

– Нужно прочесть и расписаться.

– Всего-то?

– Всего-то.

Бросаю взгляд на листок, буквы скачут, как сверчки на раскалённой сковородке.

– Мне нужен адвокат, – отвечаю я.

Сэм заливается смехом. Это бесит, но я тоже смеюсь. Не так искренне, зато громко.

– Я не шучу, – произношу я отдышавшись.

– Я тоже не шучу, – лицо Сэма внезапно становится серьёзным. Он кивает на листок.

Я делаю глоток из стакана и ставлю его на стол в неприличной близости от проклятого расписания, уменьшая его значимость, опуская её до уровня бирдекеля, словно отгораживаюсь от документа.

– Что это, счёт за медицинские услуги?

Сэм отрицательно покачивает головой, но я словно не вижу его жеста.

– Вы не переживайте, я сразу же рассчитаюсь, как только доберусь до своих. Понимаете, наличных у меня нет, – я хлопаю себя по карманам и продолжаю, – просто скажите, сколько там...

– Нет, это не счёт, – разрывает мой монолог Сэм.

– Счёт, не счёт – какая разница? Денег у меня всё равно с собой нет. Я могу не питаться, если это вас обременяет, могу уехать прямо сегодня... сейчас. Мне в город нужно. К чему эти бумажки? Я только позвоню и всё... обещаю, что рассчитаюсь. Моего слова достаточно?

Боже, я бы себе не поверил. Никогда не умел говорить и убеждать. Сейчас моя речь напоминает табун обезумевших лошадей. Слова обгоняют друг друга, спотыкаются, сталкиваются, разворачиваются и бегут в обратном направлении. Поэтому, я обрываю последнюю фразу и замолкаю.

– Вас выбрали в довольно жалком состоянии. Как врач, я не имею права отпускать пациента, пока не буду уверен, что он совершенно здоров, – парирует Сэм.

– А поить меня вискарём вы право имеете?

Сэм приподнимает мой стакан и подвигает листок таким образом, чтобы он лежал непосредственно передо мной.

– Читайте.

Он перешёл на *вы*, я это заметил. Всё стало чересчур официальным. Читаю. Неохотно, затем втягиваюсь. Только полная бредятина или шедевр могут заставить меня читать с интересом. Передо мной явно первый вариант.

Итак, непосредственно сам текст и мои мысленные комментарии к нему:

Понедельник – свободный день. Меня это уже радует.

Вторник – работа над собой. Насколько помню, сегодня именно вторник. Что же – поработаем.

Среда – сальса. Звучит очень интригующе.

Четверг – последняя возможность что-либо исправить. Охренеть, как всё просто.

Напортачил – исправь.

Пятница – подведение итогов. Мне становится смешно.

Суббота и воскресенье – дни экзекуции. Становится не так смешно по поводу пятницы.

– Это всё? – я переворачиваю листок, на обороте ничего нет.

– Да.

– И я должен это подписать?

– Да, – устало говорит Сэм.

– А если я не буду подписывать? Мне про экзекуции не очень понравилось.

– Всё условно. Расценивай это как игру.

Я даже не знаю, как отреагировать. Мне становится не по себе и в то же время, это действительно похоже на игру. Я вспоминаю интуитивное казино Боба.

В комнату входит Мария и встаёт за спиной Сэма. Поверх очков смотрит на листок, лежащий передо мной, лицо её смешно морщится, и она машет рукой. Как будто говорит мне – ох уж эти игры. Не знаю почему, но я вспоминаю узколобых бычков из столовой, и мне становится страшно. Сэм как будто читает мои мысли.

– Тебе всё равно придётся это подписать, Саша. Будет лучше, если ты сделаешь это сам, по доброй воле.

Управляющий улыбнулся и плеснул в стаканы.

– Ещё по одной, и хватит. Не тяни резину, сегодня ещё много дел.

Беру со стола ручку и ещё раз просматриваю текст. Чтобы Сэм не подумал, будто я испугался, задаю дурацкий вопрос:

– Тут кабельное есть?

Глава 4. Работа над собой

Бумагу я подписал. Зачем? Не могу ответить. Джонни Уокер тому причиной, или добродушная гримаса Марии, а может быть тон управляющего. Ведь, по его словам, всё это игра – не более. Отчего не поиграть? На самом деле, это всё отговорки. Уж самому себе я могу признаться, что просто струсил. Настоящая причина – это последний, довольно прозрачный, но такой увесистый довод управляющего. Наверняка Сэм намекал на своих костоломов из столовой. Я испугался, хотя и не видел их в деле. Ну да, у них вид как у зверей, заломленные уши и шрамы на морях. Но вполне возможно, что они добрейшие люди. Но уже поздно храбриться – бумага подписана и теперь я должен следовать этому идиотскому распорядку. То есть – работать над собой, раз уж сегодня у нас вторник.

Мы выходим на крыльцо. В руках Сэма появляется мягкая пачка сигарет *beyond*. Впервые вижу сигареты такой марки.

– Куришь?

Я вытаскиваю сигарету и задумчиво разминаю её пальцами. Не перестаю размышлять на тему о том, что меня здесь просто разводят как мальчика. Почему-то на память пришел один эпизод из моей *прошлой* далекой жизни.

– Крылов, не надо только вот этого вот... ну что ты, в самом деле? Мы же не в игры играем.

Антон старается быть спокойным, но я вижу, что он взволнован. Боится, что другого случая не представится. Он покручивает пальцами свой серебряный *Waterman* и в то же время, делает вид, что ручка в его руках – как бы, между прочим. Я чувствую подвох, но продолжая упрямо молчать. Не доверяю последнее время Антону и одновременно с этим не хочу его обидеть, мы же друзья.

– Давай, давай. Время – деньги. Меня к трём ждут на Остоженке, и разговор будет тет-а-тет. И мне очень важно не облажаться.

– Может, всё-таки вместе?

Антон нажимает кнопку селектора.

– Оксаночка, кофе сделай нам.

Мы начинали вместе, вдвоём. Не было ни офиса, ни селектора, ни Оксаночки. Было желание заработать, выкупленный за гроши тёмный полуподвал и несколько совершенно бредовых идей, от которых со временем пришлось отказаться.

Антон всегда был на шаг впереди. Честно говоря, я не успевал за ним. Я незаметно откатился во второй эшелон, все мои мысли и идеи отметались как мусор. Спустя время Антон воскрешал эти задумки как Господь Лазаря, и они начинали приносить прибыль.

– Давай, подписывай, братишка.

Антон говорит эту фразу в тот самый момент, когда Оксаночка ставит чашки на стол, и я вижу ажурную резинку её чулок. Ничего лучше не придумаешь – назвать отставного генерала братишкой в присутствии очаровательной нимфоманки. Знал ведь наверняка, что я давно шпилю это божье создание.

Я беру *Waterman* из его пляшущих пальцев и ставлю подпись на документе.

Оксаночка улыбается, Антон тянет со спинки кресла пиджак. Так спешит, что уже и про кофе забыл.

Через час он встречается на Остоженке, ровно через неделю я уже не в курсе всех дел, а через полтора месяца меня вообще не будут рассматривать как партнёра.

Но в этой истории были и свои плюсы. Мне пришлось вспомнить, что я с отличием закончил медицинский и мне ещё предстоит поработать в этой области.

– И что дальше?

Сэм молча курит, не спешит отвечать и вообще – ведёт себя как заказчик перед нашкодившим подрядчиком.

– Чем заниматься-то? – нарочито громко спрашиваю я.

Затягиваюсь, и выпускаю вверх тонкую струйку дыма. Вполне себе индифферентный жест.

– Ты же читал, что подписывал? – очень тихо отвечает Сэм. – Всё по плану.

– Выходной? – пытаюсь шутить.

Сэм пожимает плечами.

– Можешь отдыхать, в пятницу разберёмся.

Между лопатками чувствую холод, как будто мне за воротник бросили комок снега. Продолжаю ёрничать, понимая, что набираю баллы на субботу.

– Ну, у меня же будет ещё четверг, правда? Последняя возможность. Ведь так?

Мне хочется придать голосу больше уверенности, продемонстрировать независимость. Довольно глупо, после того как я подписался под идиотским распоряжением.

– Почти никому не удавалось, – отвечает управляющий.

Чёрт возьми, но на лице Сэма я больше не вижу улыбки. Он щелчком отбрасывает окурок и тот летит прямо в урну, чиркает по краешку и проваливается в чёрную пустоту. Очень похоже на моё нынешнее положение. Какой-то Сэм, о существовании которого я вчера и не догадывался, сегодня запросто швыряет меня в совершенно идиотскую авантюру.

– Мне бы мой экземпляр, – говорю я.

– Зачем?

– Память подводит, боюсь запутаться.

– Работай над собой. Тем более, сегодня вторник.

Сэм произносит это совершенно равнодушным тоном, зевает, разворачивается и скрывается за дверью.

Почему-то и в мыслях не было спросить его о ближайшей железнодорожной станции. Но я запомнил, что где-то в недрах его дома есть коммутатор. Если я всё правильно понял, это связь с внешним миром.

Работа над собой, довольно утомительное занятие, особенно если не совсем понимаешь, с какого края нужно рихтовать. Как говорил мой первый учитель истории – *Не знаете, с чего начать – приведите в порядок собственные мысли.* Ну, у меня этого добра, как блох на дворняжке. Есть что почесать.

Итак – я здесь и это факт неоспоримый. Какого хрена меня сюда занесло? Этот вопрос засел, как ржавый гвоздь в доске и вытянуть его, никаких сил не хватит. Оставляю его на потом. Свалить отсюда без гроша в кармане – нереально. Да и повода к бегству пока нет, если не брать в расчет подпись под нелепым распоряжением и мои надуманные страхи.

В первую очередь хотелось бы выяснить, где я нахожусь. Судя по всему, это одна из экваториальных зон, Бразилия или Эквадор.

Три дня назад я летел по Садовому, мне нужно было успеть получить визу. Похоже, память потихоньку возвращается. Уж не результат-ли это работы над собой? Замысловатые

пазлы начинают складываться в нечто имеющее смысл, запах и цвет. К ним примешиваются ощущения. В первую очередь сомнения и страхи. Ох уж эти страхи...

– С Земляного вала на Басманную или на Казакова. Казакова знаешь где?

– Нет, Басманную знаю...

Я успеваю ответить, прежде чем телефон падает на пол машины.

– Чёрт!

Нагибаюсь и рыскаю по пыльному коврику. Движение такое, что я бросаю эту затею и прижимаю машину к бордюру. Нахожу телефон, Серёга всё ещё на связи.

– ... да ты уснул там что ли?

– Да я телефон посеял.

– Чучело. С Басманной будет поворот на твой Гороховский. Второй светофор, кажется.

– Кажется, или второй?

– Не грузи.

Ровно год назад я скажем так прекратил свою врачебную практику. Возникли довольно щекотливые проблемы, но я сумел их решить. Криво, косо... но решил. А потом все рухнуло. Я потерял все, связи, деньги... Пытался найти работу. Безуспешно. А потом я просто прекратил поиски, отчаялся и запил. Причём, настолько горько, что когда предложили подъехать в офис по поводу моего резюме, я даже не сразу сообразил, об чём речь. Какая-то жопа засунула мою папку с глаз долой и уволилась. Другая жопа, пришедшая на смену предыдущей, папочку отыскала и положила на стол руководству. Было короткое собеседование, после чего меня зачислили в штат.

Стосковавшись по работе, я так рьяно рвал задницу, что уже через два месяца мне предложили командировку в Эквадор. Тут и мой, доселе невостребованный испанский оказался как нельзя кстати.

– Даже не думай, соглашайся.

В силу обстоятельств, единственным человеком с которым я мог разделить свою радость, был Сергей. Жене уже изрядно наскучили мои бесперспективные прожекты, и она просто отмахнулась.

– Я уже согласился, теперь вот думаю.

– Угу, самое время.

– Да нет, просто неожиданно. Да и как-то... бросить тут всё...

Что именно я боялся бросить? Да ничего. Ничего такого, о чём впоследствии я стал бы жалеть. За три месяца работы рассчитаюсь с долгами и обрету такую долгожданную свободу. Сплошной позитив. В общем, все мои сомнения были скорее надуманными.

В воскресенье я должен был вылететь из Домодедово до тамошнего Сан-Франциско-де-Кито, с двумя пересадками в Мадриде и Лиме. Затем трансфером через Куэнку до портового города Сантьяго де Гуаякиль. Крутой вояж, ничего не скажешь. Наверняка, самый дешёвый билет мне купили, сволочи.

Хорошо помню три с половиной часа мытарства между первым и вторым терминалами Барахаса. Кофе, кофе, ещё раз кофе и посадка на рейс в Лиму. А вот дальше всё скачет, как в замявшейся киноплёнке.

Невыносимо хочется курить, и я иду к Бобу, по дороге вспоминая, видел ли его с сигаретой. Да и поговорить есть о чём. Он едва ли не единственный здесь человек, который производит благоприятное впечатление. Прохожу мимо бунгало Альберта и Беллы. Вижу, как занавеска на окне еле заметно отгибается в сторону. Кто за мной следит? Ревнивец муж или его красавица жена? А может, просто сквозняк? Или моё воображение, обезумевшее от жары.

У Боба я застаю порывистую Сашу. Они режутся в *интуитивные карты*. Я присаживаюсь в кресло и молча наблюдаю за игрой. Саша угадывает цвет, иногда масть.

– Присоединяйся, – приглашает Боб.

Я приподнимаюсь, но он останавливает меня жестом.

– Нет, ты не понял. Сиди где сидишь. Попробуй присоединиться к Александре. Постарайся определить, правильно ли она называет цвет.

Изображаю заинтересованное лицо, всеми силами показываю, что присоединяюсь. Игра началась. Делаю радостный вид, когда нужно продемонстрировать, что определил. Иногда огорчённый, чтобы не насторожить явным прогрессом.

– Получается? – спрашивает Боб.

Саша смотрит на меня через плечо. Кажется, что в следующую секунду она подскочит ко мне и швырнёт карты в лицо. Ей явно не нравится моё присутствие и тем более, моё присоединение, пускай и фальшивое.

– Ну, так... – отвечаю, блуждая взглядом по комнате.

– Он смотрел на мои коленки, – внезапно говорит Саша и бросает карты на стол.

– Я не смотрел!

Боб поднимает руку, пытаясь нас успокоить. Сидит вполоборота ко мне, при этом не сводит глаз с Александры, обоих держит на прицеле.

– Он говорит правду?

Мы отвечаем одновременно, я – *да*, она – *нет*.

– Он врёт! Он смотрел на мои коленки.

– Никуда я не смотрел. Я вообще за сигаретой, – отвечаю и поднимаюсь с кресла. – Дайте мне сигарету, и я пошёл.

– Сядь, – голос у Боба спокойный, он улыбается, и я плюхаюсь в кресло. Закидываю ногу на ногу.

– Ты смотрел на её колени?

Открываю рот, но Саша не даёт мне и слова сказать. Машет руками, хватая карты, снова швыряет их на стол.

– Смотрел, я видела!

Боб жестом успокаивает Александру.

– Давайте разберёмся, – предлагает он.

– Давайте! – отвечаем в один голос. Хоть в чём-то единодушие.

– Значит, не смотрел?

– Нет.

– Тебе не нравятся её коленки?

Пожимаю плечами.

– Так что? Не нравятся? – повторяет Боб.

– Я их не видел.

– Врёт!

Боб устало прикрывает глаза и делает ладонью жест, заставляя Александру заткнуться. Она нервно тасует колоду. Я пользуюсь паузой.

– У неё юбка до пола! Какие к чёрту коленки?!

Боб внезапно меняет тему разговора.

– Что ты больше всего ценишь в женщинах?

На языке вертится *сексуальность и слабости*, но я отвечаю *ум и доброта*.

– Врёт, – цедит сквозь зубы Александра.

– Ну ты подумай! Всё она знает...

– Она знает больше, чем тебе кажется, – заверяет меня Боб.

– Да пошла она... мне ваша терапия до одного места, я курить хочу. Дайте сигарету, и я уйду.

– Я не курю, – отвечает Боб и кивает на Сашу. – Она тоже.

– Тогда я пошёл. Где тут ближайший таксофон, мне позвонить надо.

Александра щурится и зло сверлит меня взглядом серых глаз. Я замечаю, как дрожат уголки её губ. Боб приподнимается со стула, как будто хочет привлечь моё внимание.

– ¡ten cuidado! – говорит он, как мне показалось – испуганно.

– Идите к чёрту!

Эту фразу я произношу уже за дверью.

Я иду быстро, всё время оглядываюсь. Домики остались далеко позади, вокруг только смешанный лес, но прохлады я не чувствую. Вязкий воздух ватой набивается в ноздри и терзает глотку.

Пересекаю ложбину, по дну которой вьётся высохший ручей. Идти дальше становится всё трудней, муторней. Я ложусь спиной на влажную траву. Футболка прилипла к телу, кислород убит нестерпимой жарой. Чудовищная финская парилка, в которой забыли устроить вентиляцию. Несколько судорог, похожих на вдохи, и в лёгкие попадает сгусток ядрёного как дёготь воздуха.

Страшно. Где-то читал, что кислородное голодание вызывает в организме необратимые процессы. Больше всего пугает слово *необратимые*. Мне хочется назад, в прохладу ненавистного бунгало. Готов даже рассматривать костлявые коленки Александры. Именно, костлявые. Откуда я знаю? Я смотрел на них. Не то чтобы присматривался или оценивал... я не стану оценивать колени женщины, к которой у меня душа не лежит. Это было заметно даже через юбку. Острые, никчёмные коленки...

Переворачиваюсь на живот, цепляюсь руками за торчащие из земли корни, тянусь вверх. Выше... ещё выше, хочу выбраться из ложбины. Пытаюсь встать на ноги, но не могу приподняться. Теперь скольжу вниз по травяному насту.

Глаза слезятся, но я вижу, как прямо напротив моего лица падает кислородная маска. Она ёрзает словно марионетка, пританцовывая на тонком прозрачном шланге.

Ярко освещенная комната. До рези в глазах белый кафель. Всё в этом кафеле, пол, стены... несколько тёмных пятен на полу.

Справа на столике щипцы, скальпели, зажимы, зеркала и пинцеты. Мне точно известно название каждого инструмента: пила Джиллы, распаторы, крючки Фарабефа. Я так же знаю, для чего именно используется каждый из них.

Прямо передо мной некое подобие операционного стола. Кто на столе разглядеть не могу, всё словно в тумане. Внезапно мной овладевает ужас. Муравьями по телу разбегаются мурашки. Делаю несколько шагов в сторону, выламываюсь в дверь. Выбегаю из операционной, оказываюсь в длинном коридоре. Над головой гудят и потрескивают лампы. Я снова возвращаюсь назад, прочь от этого яркого света.

В моей руке что-то твёрдое и тонкое, шевелится и пытается вырваться наружу, словно пойманный в траве кузнечик. Разжимаю ладонь, и кузнечик спрыгивает на бетонный пол. Уши пронзает короткий звон.

Я хочу разглядеть что там, на полу. Наклоняюсь и замираю, в ожидании очередной вспышки лампы над головой.

Не дышу.

Яркий свет на секунду выхватывает из темноты окровавленный скальпель на бетонном полу. Я отшвыриваю его ногой в сторону, и он жалобно повизгивает, ударившись о стену.

– Саша, вы меня пугаете...

В проеме двери я вижу моего коллегу, но не могу разглядеть его лицо, слишком яркий свет у него за спиной.

Но меня сейчас больше занимают бинты, которые валяются везде, на полу, на столе, свисают с потолка.

Грязные.

Бурые от пропитавшей их крови.

Мне страшно и неудобно от того, что в операционной творится такой бардак. Мне кажется, если просто навести здесь порядок, то все встанет на свои места, все исправится. Все будет иначе.

Мне нет нужды открывать глаза, всю картину я ощущаю по звукам. Мои чувства обострились, обоняние стало вторым зрением. Справа копошится Сэм, я пока не слышу его голоса, но точно знаю, что это он. По еле уловимому ещё живому выхлопу. Видимо Сэм в одиночку опустошил графин, когда я подписал этот нелепый распорядок и ретировался.

В ногах постели Боб. Он оправдывается, нервничает. В комнате есть кто-то ещё, но я не могу понять кто именно. Я стараюсь не напрягаться, чтобы веки не дрогнули. Не хочу выдавать себя раньше времени.

– Я не пугал, Сэм. Просто хотел проверить, насколько он может быть правдивым... до какого предела. Я имею в виду нижний предел, ничего не значащие детали.

– И?

– Он лжёт. Причём, постоянно.

Чувствую на своей груди руки Сэма. Он снимает с меня какие-то липкие пластины. Слышу чваканье, с которым они отсоединяются от кожи. Поперёк живота тянется прохладный провод. Совсем рядом замолкает тягучий зуммер.

– Не стоило стравливать его с Александрой, – говорит Сэм.

– Это произошло случайно. Он зашёл за сигаретами.

– Тебе уже пора привыкнуть... на этом этапе мы должны быть особенно осторожны.

Слышу, как Боб хлопает себя руками по бёдрам и отходит к окну. Теперь его голос сделался более глухим, значит, он стоит спиной ко мне.

– Сэм, ну я не думал, что он рванёт к периметру.

– Против этого у нас только одно средство.

– Не ломать же ему ноги в первую субботу? – возразил Боб, и я почувствовал к нему приступ симпатии.

Я испугался. Веки всё-таки дрогнули. Позвоночник выпрямился, и ладони предательски сжались в кулаки. Я замер, ожидая реакции, но они слишком увлечены спором. Скорее всего, не заметили.

– Почему бы и нет? Чем он лучше Брендона?

– Брендон просто нездоров. От него нужно было избавиться ещё тогда, я ведь сразу предложил...

– Давайте не будем сейчас обсуждать феномен Брендона, – голос Сэма напомнил шипение змеи, – это новая проблема и её необходимо решить. И тут все средства сгодятся, если понадобится – сломаем ноги, если не поможет – ослепим. У нас нет права на ещё одну ошибку.

В этот момент в разговор вступает женщина, которая до сих пор молчала. От звука её голоса по спине пробегает волна мурашек.

– Я смогу его удержать.

Несколько минут длится молчание. Я слышу, как Сэм и женщина уходят из комнаты, остаётся только Боб. Не могу определить, повернулся он лицом ко мне или продолжает смотреть в окно. Обострившиеся ранее чувства притупились, видимо я окончательно пришёл в себя. На всякий случай, продолжаю изображать парализованного.

– Хватит прикидываться, вставай.

Лежу без движения, с закрытыми глазами. Что бы там ни было, но я не стану себя выдавать.

– Как знаешь, – говорит Боб и уходит. Аккуратно прикрывает за собой дверь.

Глава 5. El infierno inocentes

До темноты я не выхожу из бунгало. Прячусь, словно нашкодивший кот, да и ко мне никто не заходит. Немного не по себе от того, что не удалось провести Боба. Интересно, с какого момента он понял, что я в сознании? Может, когда моя рука сжалась в кулак? Или раньше? И почему Сэм не почувствовал, что я всё слышу? Возможно, это часть игры. В таком случае, они добились того, чего хотели – история с загадочным Бренденом меня здорово напугала. Даже сейчас, вспомнив о нём, я ощущаю зуд в голених.

Закидываюсь вопросами, а из головы не идёт голос женщины, которая грозила меня удержать. Слишком самоуверенно, вероятно у неё есть на то причина. Кто она? Не Саша, не Мария и не Серафима. Ха! Дело даже не в том, что я знаю их голоса. Ни одна из них не сможет меня удержать в этом месте и на пять минут. Голос тихий, как будто звуки зарождаются там, где обычно зарождаются желания. Белла? Есть ещё несколько женщин, но я их не видел за завтраком.

Я обхожу своё временное жилище, терзаю ящики стола и шкафа. Заглядываю во все углы, не находя ничего необычного. В тумбочке у кровати – Библия, в шкафу – бельё и полотенца. На стене в гостиной, абстрактный портрет какой-то черноволосой лахудры. Мне совершенно нечем заняться, явно не хватает капли никотина.

Иду в ванную и пытаюсь мастурбировать. Одной рукой опираюсь на стену и трясусь *хозяйством* над раковиной. В зеркале вижу своё отражение, и мне становится тоскливо, как будто я дрочу сам на себя. Думаю о женщине, сказавшей – *Я смогу его удержать*. Где, собственно они зарождаются, эти женские желания? Нет, точно не в животе. Скорей всего, в голове. Со мной проще. Моё желание на данный момент умещается в кулаке. И если захочу, могу запросто его придушить. Впрочем, оно уже и так умерло, без моего вмешательства. Бросаю это нелепое занятие, выхожу на улицу и сажусь на крыльцо.

Сверху опускается прохлада. Над крышами уже не пляшет раскалённый воздух, верхушки деревьев как будто оживают.

В мою сторону направляется Майки. Он один на дорожке между домами. Готов поклясться, что все остальные притаились за жалюзи и занавесками. Ждут вечерней корриды.

Майки останавливается напротив, в паре шагов. Если постарается, может меня достать. Если постараюсь я – смогу увернуться. Дальше – как ляжет.

– Тебе нехрен, чем заняться?

Если человек виноват – морду бьют сразу, не спрашивая. Уверенности в том, что я виноват у Майки нет. Поэтому, будет лучше, если я сразу попытаюсь сменить тему разговора.

– Мне бы покурить... – отвечаю нарочито жалобно.

– Накуришься ещё.

Майки молчит, я тоже. Но цель почти достигнута, и инициатива повисает между нами. Тут уж, кто первый ухватит. И мы пытаемся опередить друг друга, говорим одновременно. Он, что-то о коленках, я про курево. И тут же оба замолкаем. После паузы я снова спрашиваю:

– Сигаретка есть?

Майки роется в кармане и достаёт пачку. Пока я вытаскиваю сигарету, он вырывается вперёд:

– Какого хрена ты пялился на мою девчонку?

– У меня нет спичек...

Он снова лезет в карман, и я отвечаю на его вопрос:

– Да это полнейшая чушь, я ни на кого не пялился.

– Она врёт, по-твоему?

Я прикуриваю. Рука Майки прямо возле моего лица. Держит зажигалку. Если захочет, может заехать мне в рыло, но он не будет этого делать, я почти уверен.

– Я этого не говорил. Ей просто показалось.

– Слушай, я не буду разбираться – показалось или нет. Ещё раз увижу тебя с ней – будем разговаривать по-другому, понял?

Отвечу, что понял – признаю свою вину. Не отвечу – будет коррида.

– У меня был тяжёлый день, Майки.

– Он ещё не закончился.

Я поднимаюсь. Теперь я на ступеньке и его голова на уровне моей груди. Вижу, как Майки борется с желанием сделать шаг назад, мнётся на месте.

– Ты понял?

Теперь можно и ответить. Это будет похоже на уступку маленькому ребёнку. Затягиваюсь поглубже и выпускаю дым над бритой макушкой Майки.

– Понял.

Для полноты картины остаётся только, чтобы мой оппонент махнул в сторону дорожки и сказал что-то вроде: *ну... так это... я пойду?* Но это было бы уж слишком унижительно. И Майки ничего не говорит.

Помещение тёмное. Длинная барная стойка с зеркалом за бутылочными спинами. На стенах имитация кирпичной кладки и неоновые пятна, которые оттеняют углы и призывают к откровенности. Тут можно всё. Можно рассказать школьному приятелю о своём первом опыте воровства, и он не станет над вами смеяться. Наоборот, поведаёт о том, как он привязывал к железнодорожным рельсам кошку. Здесь вы можете поговорить со своей девушкой об анальном сексе и не получить в ухо. Единственно, чего я вам не советую – рассказывать сослуживцу о своих махинациях на фирме и о том, каким образом вы обкрадываете шефа. Об этом лучше не говорить никому и нигде, даже собственной жене в спальне.

За барной стойкой я вижу одного из мясников Сэма. К ужасу своему, замечаю в зале Серафиму. Напротив неё седой сумасшедший, которого я видел утром в столовой. В свете неона он смахивает на безумного Паганини – похожую иллюстрацию я видел однажды в какой-то театральной брошюре.

– Идите к нам!

Серафима призывно машет, Паганини поворачивает голову, вращает глазами. Я присаживаюсь у барной стойки и неопределённо киваю головой, что на языке полярных пингвинов означает – *Возможно, чуть позже*. Но меня не хотят оставить в покое. Пока я заказываю выпивку, поэтесса уже тут как тут. Фамильярно кладёт мне руку на плечо и заглядывает в глаза:

*Пойми меня, как я тебя,
Когда-то понимала.
Мы убежим из октября,
Под звуки карнавала.*

*Цветущим маем оботри,
Мои немые слёзы.
Пригрелась у меня внутри,
Обиды и невроты.*

– Бесподобно, – говорю я и залпом выпиваю порцию бурбона.

– Если вы присядете к нам, мы устроим небольшую поэтическую вечеринку. Обещаю, вы не пожалеете.

Наверняка эти слова должны были прозвучать для меня как слово Господне для Моисея, но я не внял. Более того, был напуган как весь народ египетский.

– Ну-у... пойдёмте.

В голосе поэтессы бисером раскатываются непривычные для её возраста, капризные нотки. Я соглашаюсь. В конце концов, любое общение сейчас мне только на пользу. А вдруг что-то узнаю. Информация сейчас важнее испорченного вечера. Беру стакан и сажусь за столик. Седовласый идиот тарашит глаза и тянет через трубочку зелёное пойло. Серафима присаживается рядом и греет меня тёплым боком.

– С чего начнём?

– Для начала неплохо было бы познакомиться.

Протягиваю руку сумасшедшему, но тот продолжает всасывать через соломинку рублевую мяту и лайм. Держится за стакан двумя руками, словно маленький ребенок и смотрит прямо перед собой.

– Меня зовут Саша.

Продолжаю держать вытянутую руку над столом. Паганини не реагирует.

– Да ну его! – Серафима кладёт голову мне на плечо. – Я сегодня начала поэму. Думаю, к понедельнику закончить. Хочу собрать всех в Зелёном театре и прочесть. Вы будете?

Обещаю, что буду, что в нетерпении и так далее. Не забываю напомнить, как много значит для меня поэзия.

– Не будет его, – внезапно оторвавшись от поедания мяты, изрекает сумасшедший.

Меня как током прошибает. Я смотрю в глаза оракулу, но его взгляд остаётся стеклянным. Серафима машет на него рукой.

– Не слушайте его, Саша. Он сам не ведает, что говорит.

Мне, напротив, интересно всё, что скажет Паганини, я перехватываю руку поэтессы и прижимаю её к столу, при этом она крепко сжимает мою ладонь.

– Что вы сказали? Повторите, эй!

– Не будет его, – послушно дублирует сумасшедший.

Не могу объяснить почему, но я верю каждому слову, которое произносит седой.

– Меня не будет в Зелёном театре или в посёлке? – с надеждой уточняю я.

– В Зелёном.

В этот момент Серафима выдает очередной шедевр:

*В саду моём пионы были жалки,
И розы куст зачах давным-давно,
Подернулись проказою фиалки,
Лишь мёртвый труп в цветастом кимоно...*

Я трясую Паганини за плечо, а Серафима насаждает слева:

– Ну, как вам?

– А в посёлке я буду? – спрашиваю оракула, – в самом посёлке?

– Как вам стихи? – лезет в душу Серафима.

– Что?

– Как вам стихи?

– Мне про мёртвый труп не очень, – отвечаю поэтессе и снова обращаюсь к сумасшедшему, – так что?

– Это лучшее место... – говорит Серафима обиженным тоном.

И в этот момент сумасшедший давится листком мяты. Кашляет, орошая столешницу слюнями и кусочками пережёванной травы.

– Твою же мать! – слова поэтессы звенят как два железных листа, которые сбросили на бетонный пол. Она закрывается руками и прячется за мою спину. В этот момент я вижу, как по ступенькам в зал спускается Александра. Серафима выглядывает у меня из-за спины:

– Сашенька, идите к нам! У нас поэтические вечера!

Голос её снова становится елейным. Я поднимаюсь из-за столика и поддвигаю стул под костлявую задницу Саши. Вижу, что оракул старательно обтирает слюни с лица и понимаю – от него я уже не получу ответа.

– Простите, я вынужден вас покинуть.

– Как же так? А вечера? – почти плачет Серафима.

– Вечера переносятся на завтра.

Я действительно очень устал. Собираюсь раскланяться. Александра откидывается чуть назад и смотрит через плечо, ехидно и вызывающе.

– Бегаешь от меня?

– С чего бы? – отвечаю безразлично.

– Бегаешь, бегаешь... я вижу. Испугался?

– Мне нечего бояться.

Слышу шаги за спиной и оборачиваюсь. Ну, конечно! Кто же ещё! Майки идёт на меня словно обиженный молодой бычок на нерадивого фермера, желая отомстить за скотскую жизнь.

– Я тебя предупреждал, сука!

В следующую секунду он делает резкий выпад, я не успеваю увернуться, и получаю кулаком в челюсть. Заваливаюсь на пол,

увлекая за собой Александру вместе со стулом. Майки наваливается

сверху. Какое-то время мы катаемся по полу, под визг Серафимы и

смех Саши. Бью, сам получаю удары, пока бармен не поднимает Майки в воздух, как

Геркл Антея. Я встаю на ноги, ошупываю лицо, вижу кровь на руке.

– Ну, ты и идиот!

– Она моя девчонка, мать твою! Понял? – барахтаясь в воздухе,

орёт Майки. Серафима напугана, Саша залиристо хохочет, сумасшедший оракул, как и

положено, отсутствует. Бармен кивает на дверь, и я быстро ретируюсь.

Пошатываясь, выхожу из кабака. В башке каруселью титры – *Вторник – работа над собой*. Не день, а триллер, отснятый подуставшим режиссёром. Интересно, по местным меркам я хорошо поработал? Вторую ночь сплю как убитый.

Глава 6. Среда. Паук плачет

Проснулся – на улице ещё темно. Последний вечер кажется нереальным, тревожным, как небо на этюдах Тома Шаллера. Не моя жизнь – чужая.

Потянулся в постели, ощутил острую боль в боку. Поморщился, и появилось жжение в висках. Провел пальцами по распухшей губе – Майки несколько раз крепко меня приложил.

В ванной с опаской заглядываю в зеркало. Не так всё плохо, мужественности прибавилось.

Итак, что мне удалось вчера выяснить? Почти ничего. Сбежать отсюда нельзя. Это место словно за кадык тебя держит, не отпускает. То, что меня окружают сумасшедшие, стало очевидным фактом. За провинность тут ломают ноги. Глаза выкалывают. Что-то ещё... Коммутатор! Вот куда нужно добраться. Единственная ниточка, ведущая из этого логова.

Перед глазами снова акварель Шаллера. Откуда это?

Галерея залита светом. После полутёмного фойе рецепторы не успевают сработать, я останавливаюсь на входе, моргаю. Меня толкают, не обращая внимания, просто делаю несколько шагов вперёд. Вслепую. Привыкаю к свету, пересекаю зал не останавливаясь. У меня определённая цель. В третьем зале Редон. Его литографии и несколько графических картин черного периода.

Ворон, Плачущий паук, Парсифаль. Это же надо было ваять такое в пике импрессионистам! Везде глаза, рассматривающие зрителя. Это не ты оцениваешь. Ты сегодня на приёме у окулиста, который будет изучать тебя сквозь свою сумасшедшую оптику.

*Я разглядываю тёмное лицо реально-ирреального создания. Паук с человеческой головой.
– У вас профессиональный интерес?*

Оборачиваюсь. Она из той породы, что раз ухватив, уже не отпустит. Высокий лоб, раскосые глаза, уголки которых приподняты вверх, тонкий нос. Большой альый рот. Короткое черное каре обрамляет всё это хозяйство. Одета не к месту скромно: джинсы, цветная футболка и босоножки на плоской подошве. Но всё очень дорого, меня не обманешь – у подобных дам вполне приличный гардероб, пополняемый из бюджета любовника или мужа.

– Да.

– Вы художник или критик?

Мы из разных слоёв общественного пирога. Она – взбитые сливки, я подгоревший корж в самом низу. Перед подобными людьми стараюсь держаться независимо, дружбы с ними не вожу, поэтому всё время сижу в глубокой заднице.

– Ни то, ни другое. Скорей я мистик.

Ответ был неправильным, брюнетка явно проявила интерес. Но я отворачиваюсь и изучаю жутковатый рисунок углём. Чувствую, как спину мою буравит взгляд незнакомки.

– Вот как?

Смотрю в глаза Плачущего паука, но мыслям теперь сложно сконцентрироваться. Брюнетка становится рядом, и я уже не могу не заметить её руки, протянутой для рукопожатия.

– Эмми.

Ничего не остаётся делать, я оборачиваюсь и пожимаю её маленькую ладошку.

– Пол.

Какой к чёрту Пол?! Откуда эти картинки, из чьей жизни? Уж точно не из моей. Возможно – сон, который я видел когда-то давно. Но всё увиденное было реальным, совершенно непохожим на сновидение. Картинная галерея, паук с головой человека, девушка...

Наваждение какое-то...

Мне страшно, по телу ползёт холод, цепляет за кожу колючими лапками. Бегу в ванную и встаю под горячий душ. Но согреться не получается, холод уже внутри меня. Я словно термос с ледяной водой, который позабыли на пляже.

Второе утро, и снова первый кого я вижу у себя в бунгало – Боб. Он разглядывает синяки на моём лице.

– Боксировал?

– Нет, посещал поэтические вечера.

Мне неловко перед Бобом из-за вчерашнего. Напрасно я прикидывался парализованным. Теперь между нами выросла стена недоверия. Но мне страшно, и я ищу помощи.

– Что мне делать, Боб?

– С чем?

– Я не могу здесь оставаться.

– Уйти не получится.

– Мне нужно в Гуаякиль. У меня контракт, меня люди ждут! Можешь ты это понять? И там и в Москве, небось, уже всех на ноги подняли, ищут...

Боб делает такое лицо, как будто я рассказываю о том, как воевал с марсианами и дослужился до звания межпланетного прапорщика.

– Зачем я здесь? – спрашиваю. – Какого хера вы меня тут держите?

– Ты должен вдохнуть в это пространство жизнь.

– Охуеть!

– Я же просил без мата...

– Ладно, ладно, я понял. Что я должен делать? Говорить правду?

– Не обязательно. Вернее, не всегда.

– Тогда что?

– Я здесь не для того, чтобы отвечать на твои вопросы.

– А кто ответит?

– Ты сам.

– Да у меня самого вопросов больше, чем ответов!

Боб машет рукой, направляется к двери. Наверняка, пойдёт в столовую, жрать свою овсянку, или что там сегодня.

– Где я, Боб? Это Перу? Колумбия! – ору ему в спину.

Боб выходит, так и не удостоив меня ответом.

– Да пошёл ты!

Хватаю со столика стакан и швыряю его в закрытую дверь. Он отскакивает, ударяется о стену, падает на циновку и катится к моим ногам. Я сажусь прямо на пол и уже не сдерживаю слёз.

В столовой ещё и те, кого я раньше не видел. Не присматриваюсь, иду прямо к столу, за которым сидит Боб. Плюхаюсь напротив.

– Хорошо, проясни мне ситуацию.

Боб жуёт, смотрит на меня и не отвечает.

– Мне, правда, нужно на фирму. Хотя бы позвонить, понимаешь?

Мой визави пожимает плечами.

– Телефон тут есть?

– Нет.

– Я знаю, что есть. У Сэма. У Сэма в доме есть коммутатор.

Боб откидывается на спинку стула. Смотрит в сторону. Я перехватываю его взгляд и вижу, как к столику плывёт поэтесса. Приподнимаюсь и отгораживаюсь рукой.

– ¡Ahora no!

– No voy a interferer, – отвечает Серафима.

– Идите в жопу!

Глаза Серафимы мгновенно становятся влажными. Поднос дрожит в её руках. Я уже жалею, что был грубым. Она разворачивается и уходит.

– Ты в своём уме? – спрашивает Боб.

– Как думаешь?

– Она здесь ни при чём, Саша. Держи себя в руках.

– Ты мне не ответил про коммутатор. Я могу позвонить?

– Нет!

Боб ударяет ладонью по столу. Подпрыгивает и испуганно звенит посуда. Все присутствующие поворачивают голову в нашу сторону.

Вскакиваю из-за стола и выхожу из зала. Без колебания поворачиваю в сторону бунгало Сэма. Возле дверей вижу одного из мясников, того самого – из бара. И страшно вроде, и терять мне нечего. Шаги, словно мысли в голове – одновременно и робкие, и решительные. Шаг правой – вперёд, левой – чуть в сторону. Иду как контуженный.

Охранник неспешно спускается по ступеням. Руки упёрты в бока, глазами сверлит воздух перед собой. Сворачивать мне уже некуда, иду прямо на него, пока расстояние не сокращается до допустимого минимума.

– Сэм дома? Мне позвонить нужно.

Мясник смотрит сквозь меня и молчит.

– Necesito un teléfono.

Мой голос похож на предсмертное бормотание. Становится неуютно и пакостно. Развернуться и уйти кажется самым лучшим вариантом, хотя и унижительным.

Охранник вытягивает руку и показывает на что-то за моей спиной. Я оборачиваюсь. Это Сэм. Идёт и улыбается мне, словно дорогому гостю, которого так долго ждали. Он кладёт мне на плечо руку и отводит в сторону от крыльца. Я вроде бы даже рад этому. Теперь уже не так позорно будет смотреться моё отступление.

– Проблемы?

– Мне позвонить нужно. А у вас есть коммутатор, я знаю.

– Боюсь, ничем не смогу тебе помочь, Саша.

Я даже не спрашиваю – почему. Киваю, при каждом слове опуская голову всё ниже и ниже. Как будто под гнётом лапши, которая виснет у меня на ушах.

– Во-первых, коммутатор местный. А во-вторых, связи нет. Это всё, что ты хотел узнать?

– Всё, – отвечаю.

– Тогда иди, готовься. Вечером посмотрим, на что ты способен.

Глава 7. Проституция, фотоискусство и посредственная живопись

Мы сидим в кафе на Мэдисон Авеню. Эмми всё время улыбается и это обезоруживает. Мне ничего не остаётся делать, как рассказать ей правду.

– Так вы мне соврали, вы не мистик!

– У меня мастерская в Куинсе.

– Я бы взглянула на ваши работы.

Господи, ну куда я лезу, – ловлю себя на мысли и всё-таки пишу на салфетке адрес и номер телефона. Она допивает свой кофе и уходит. Через стеклянную витрину я вижу, как она садится в припаркованное такси.

Донг пьёт пиво прямо из банки. Я предпочитаю стекло.

Донг, или Дон – хочет, чтобы его называли именно так – ассимилировавшийся китаец. Жертва добровольного этнокультурного сдвига самосознания. Его родители приехали в Нью-Йорк в начале восьмидесятых. Он хотел стать коммерческим фотографом, даже сотрудничал с *Max Mara* какое-то время, если не врёт. Затем Дон увлёкся портретной фотографией, о рекламе и *фешн* пришлось забыть. В итоге он не преуспел ни здесь, ни там.

Познакомился я с ним пару лет назад. Он делал портфолио для одной известной шлюхи, и ему нужна была студия. Я предложил свою мастерскую. Мы подружились, и за последний год через нашу студию транзитом прошло больше сотни девиц. Далеко не все были проститутками, попадались вполне приличные девчонки, пожелавшие рефинансировать кредиты, которые им выдала матушка природа. Я стараюсь держаться в стороне от его амурных дел, поэтому не могу точно сказать, спит он со своими моделями или нет.

Дон бросает банку, и та летит прямо в корзину для мусора. Берёт из холодильника ещё одну и присаживается напротив.

– Ну, а ты?

– А что я? Оставил адрес.

– Нужно было везти её прямо сюда. Ты уже месяца три ничего не продавал. А вдруг?

Я отмахиваюсь, рассматриваю то, что стоит на подрамниках вдоль стен. Мне самому ничего не нравится – сплошь мазня. Наивная, переделанная, местами украденная. Слоя, наложенные один на другой, не в силах скрыть мою бездарность. Ни глубины, ни новизны. Пустые холсты вызывают больше уважения.

– Ну, значит будем жить за счёт проституции. Тебе не кажется, что это пахнет сутенёрством? – шутит Дон.

– Мне нечего показать, – отвечаю я.

Дон и сам понимает – показывать нечего. Сорбонну он не заканчивал, но вкус у него есть.

– Тебе нужно завязывать с поп-артом, приятель. Раушенберг и Энди уже сняли все пенки.

Плоть нужна. Связи! Социальная драма!

– Точно, связь проститутки с неудачником-фотографом. Чем не социальная драма? Будешь моделью.

– Иди к чёрту! – смеется Дон.

Просыпаюсь от невыносимого назойливого дребезжания. Долго ворочаюсь, прежде чем решаюсь встать и подойти к аппарату. Мимходом бросаю взгляд на часы – половина первого. Присвистнул – ничего себе!

В трубке живут звуки, напоминающие гудение высоковольтных проводов. И где-то там, в самом эпицентре электрических пассажиров – голос. Еле слышные вскрики или всхлипывания, иначе не назовёшь. И совершенно незнакомый мне язык. Что-то русское, как мне кажется.

– Алло!

В ответ всё та же невнятная тарабарщина.

– Да говори же, чёрт бы тебя побрал!

– Нам нужно встретиться, – доносится из пустоты.

Ломаный английский. Настолько ломаный, что я с трудом разбираю слова.

– Ты кто, вообще? Налоговый инспектор?

– Не важно. Тебе угрожает опасность.

Английский становится с каждым словом всё лучше.

– Да что ты? По-твоему, это повод будить меня ни свет ни заря?

На том конце провода загадочно молчат, но я почему-то не вешаю трубку.

– Эй, на палубе... чего молчишь?

– Как тебе собачатина на вкус? – спрашивает незнакомец.

– Что?

– Папаша в детстве накормил тебя собачатиной, не помнишь?

– Да пошёл ты!

Я бросаю трубку. Неприятный звонок. Звонок из детства, которое я не хочу вспоминать. Но откуда, черт возьми этот сукин сын знает то, что знать могу только лишь я?

Не успеваю добраться до постели, как снова разрывается телефон.

На этот раз звонит Эмми. Сообщает, что она в Бруклине и у неё будет пара часов свободного времени.

– Но...

– Никаких, но. Мы же договорились.

Я даже не могу сказать, был её тон решительным или просящим. Скорее всего, присутствовало и то и другое.

– Хорошо, к двум, – соглашаюсь я.

Где-то в Бруклине трубка падает на рычаг и мне в ухо летят короткие гудки. Нужно растолкать и выпроводить Дона, прибрать в мастерской и развернуть позор лицом к стене, оставить несколько картин. На всё про всё – полтора часа.

Про идиотский утренний звонок я забыл. Слишком много хлопот, чтобы помнить подобную чушь.

Разворачивая холсты, удивляюсь, насколько мало вещей, которые не стыдно показать. Оставляю пару портретов в стиле *нео-поп* и пейзаж, который написал ещё лет пять назад. Он мне дорог.

Дон выносит в мусорных пакетах вчерашний праздник.

– Ни пуха.

– Угу.

– Нужно говорить – иди к чёрту.

Послушно киваю, Дон скрывается за дверью, но я всё-таки говорю – иди к черту. Произношу это еле слышно, почти про себя.

Передо мной совсем другая Эмми. Деловой костюм, дорогие туфли, намёк на макияж. Сама элегантность, а я даже руки не успел помыть.

– Уютненко.

Следом за ней я оглядываю помещение, как будто никогда прежде его не видел. Неприкрытые кирпичные стены, деревянный пол и паутина балок под потолком. Ещё недавно диковинный, а теперь такой модный *loft*. Правда, с тяжелым налётом реализма.

– Живёшь здесь?

– Меня устраивает.

Получается естественно, потому что это правда – меня устраивает. Эмми так и стоит на пороге, я как истукан – напротив. Спыхватился, когда пауза уже зашкалила за красную отсечку.

– Проходи.

Эмми не спешит, при этом держится вполне уверенно, без суеты и стеснения. Садится на кушетку в центре студии. От предложения выпить не отказывается. Ставлю на столик початую бутылку *Jim Beam* и пару стаканов. Наливаю. К своему стакану Эмми даже не притронулась, я выпиваю свой в два приёма.

– Что показать? – спрашиваю.

– А что есть?

– Есть пара портретов у тебя за спиной. И ещё пейзаж.

Эмми поднимается и идёт к картинам. Я смотрю как она двигается и меня как будто тянет за ней. Всего несколько шагов и я становлюсь у неё за спиной. Близко, чересчур близко. И я делаю шаг назад. Неуверенно и так, чтобы она не слышала.

– Дэвид Боуи? – кивает на один из портретов.

– Да.

– Писал с натуры?

– Ха! Он даже не в курсе, что мы топчем одну планету.

Эмми понимающе кивает. Ещё несколько шагов и она смотрит на портрет рыбака в помятой соломенной шляпе. Затем на пейзаж.

– Больше ничего нет?

– Остальное, если захочешь, – отвечаю я.

Определённо, она имеет надо мной какую-то власть. Ведь я же не собирался показывать ей все свои работы. И на тебе – уже готов предстать во всём великолепии своей бесталанности. Эмми деликатно отказывается.

– Сколько ты хочешь за старика и пейзаж?

– За рыбака пять, за пейзаж три.

Она думает всего пару минут.

– Я возьму обе за семь. Наличными, идёт?

– Идёт.

Эмми направляется к двери, а я как хвост волочусь позади. Меня благодетельствовали или как? Ведь я намеренно взвинтил цену, был уверен, что Эмми откажется.

Она оборачивается у выхода. Ещё раз оглядывает мастерскую и останавливает на мне свой пронизывающий взгляд.

– Завтра в восемь я привезу наличные. Можешь доставить картины? Я напишу адрес.

– Само собой.

Мы прощаемся, и я уже закрываю за ней дверь. Что-то заставляет меня медлить.

– В восемь вечера? – уточняю.

– В восемь вечера.

Я закрываю дверь и упираюсь лбом в её металлическую обшивку. Мне хочется рвануть ручку на себя, догнать Эмми и... и что? Ещё раз уточнить сумму и время? Или попробовать отговорить, сказать, что картины эти не стоят и половины этих денег.

Слышу, как стучат её каблуки по ступеням лестницы. Остается ощущение, что я зря во всё это ввязался. Понимаю, что покупка картин – лишь предлог.

Остаётся открытым вопрос – для чего?

Глава 8. Черви Большого яблока

Упакованные картины я складываю на заднее сидение *Impala SS* шестьдесят пятого года. Это машина Дона, которую он болезненно ревниво предоставил в моё распоряжение.

– Не поцарапай, – последнее, что я слышу в открытое окно.

По мосту Квинсборо попадаю в сетку Манхэттена, по Амстердам-авеню тянусь к Верхнему Вест-Сайду. На семьдесят восьмой направо в сторону Центрального Парка. Чем ближе к указанному адресу, тем глубже пропасть. Когда-то весь остров купили за двадцать четыре доллара, а сегодня самая скромная квартирка в этом районе обойдётся тысяч в семьсот.

Передо мной красный трёхэтажный мезонет, с ярко выраженным мавританским влиянием в экстерьере. Скорее всего, работа архитектора Рафаэля Гуаставино. Нажимаю на кнопку звонка и теперь думаю, что наверняка продешевил с картинами.

По дорожке идёт крепыш под два метра ростом. Сквозь ажурную решётку сканирует меня, задаёт пару вопросов. Услышав имя Эмми, он открывает калитку, и я замечаю торчащую у него из-за пояса рукоятку пистолета.

Как только мы вошли в дом, охранник взял обе упаковки из моих рук и прислонил картины к стене. Стою в центре просторного холла со сводчатым потолком. Крепыш за спиной – дышит в затылок. Одно резкое движение и он обрушится на меня своей тушей, вдавит в деревянный пол. Но я не собираюсь никого провоцировать. Я просто привёз картины. Но как это часто бывает, стою и думаю – *А что будет, если...*

От нечего делать осматриваю интерьер. Синтетический мудахер безжалостно заваливающий внутреннее убранство в сторону эклектики. Я бы решил здешнее пространство несколько иначе: больше натурализма в стиле исламской Испании и живых мелочей. Как можно больше медной рыночной суеты и местечковости.

Крепыш за моей спиной молчит. В доме ни звука, только через приоткрытое окно с улицы сочится жизнь. От этих еле уловимых звуков в доме кажется ещё тише. Если прислушаться, то наверняка можно услышать, как в подвале скрипят лапками трудяги муравьи.

Наверху хлопнула дверь, я вздрогнул, мысленно сжимаясь в комок: не показалось ли моё движение слишком резким.

Вижу, как по лестнице спускается мужчина лет сорока пяти. У него ухоженный и надменный вид. Он даже не смотрит в мою сторону. Скорее всего, думает о том, какое впечатление производит. Я угадываю в нём хозяина таун-хауса.

Не говоря ни слова, мужчина берёт первую упаковку, стоящую у стены, разворачивает и ставит картину на спинку дивана. На моё счастье это пейзаж. Он с минуту разглядывает полотно, затем и меня удостаивает вниманием. У него взгляд, как у боксёра тяжеловеса перед поединком. Не обещает ничего хорошего.

– Ты из службы доставки?

Меня так и подмывает сказать *да*, и смыться из этого дома. И всё-таки я говорю – *Нет, я художник.*

– Там что? – указывает на вторую упаковку, прислоненную к стене.

– Портрет.

По лицу вижу, что портрет ему не интересен. Впрочем, как и пейзаж. Ему, скорее всего, наплевать и на сумму, которую Эмми отвалила за обе работы. Интересно, что его связывает с моей клиенткой. Кто она ему? Жена... Дочь... или любовница? И почему меня это трогает?

– Желтого много, – внезапно говорит он.

А я уж подумал, что пейзаж его не заинтересовал.

– Это осень... – оправдываюсь, но он меня перебивает.

– Желтый любят пидарасы и либералы. А я не люблю ни тех, ни других.

На языке крутится *я тоже*, но я молчу. Мне не нужен дешёвый авторитет, а ему насрать на моё мнение. Скорее всего. Я ограничиваюсь только кивком, и только ради того, чтобы меня не причислили к лагерю пидарасов. Или либералов.

– Тони, проводи его.

– Пошли, – слышу у себя за спиной и покорно поворачиваюсь к двери. Оно и к лучшему.

Следующий пункт моего вояжа – частная галерея в Бронксе. Забыл сказать, что сразу после ухода Эмми я узнал ещё одну приятную новость: утром купили мой *Рай невинных*. Об этом мне сообщил по телефону владелец галереи, русский дилер Игорь Либерман. Мне ещё подумалось, что после встречи с Эмми мои дела пошли в гору. Игорь тараторил в трубку о своём новом проекте и о том, что нам нужно срочно встретиться. Сегодня же. Я не стал возражать. И теперь я пролетаю над Гудзоном по мосту Уиллис, а на Богарт-авеню меня уже ждет Игорь.

Мы сидим на летней площадке *Lydig Coffee Shop*, и Либерман красочно описывает, каким образом ему удалось впарить мой *Рай*. Врёт, конечно. Но мне всё равно. Этот студенистый толстяк любит поговорить. Я думаю, он просто упражняется в английском, пытается довести его до совершенства. Перебравшись в Нью-Йорк пять лет назад, Либерман старается вести себя как настоящий американец. Он панически боится рака, не курит и не питается бифштексами. В меню выбирает только те блюда, напротив которых стоит значок – *Полезно для сердца*. При этом бедняга страдает одышкой и лишним весом.

Игорь поправляет съехавшие набок очки. Я разглядываю его суетливые, поросшие рыжими волосами пальцы-сосиски. На лбу Либермана искрятся капельки пота. Меня не покидает ощущение недоговорённости, Игорь явно тянет кота за хвост. Наконец, решается.

– Слушай, у меня к тебе дело.

– Говори.

– Есть один чудак... ирландец или француз – там сложная родословная, но это не важно.

В общем, у него прабабка из России. Жуть как любит всё русское и особенно живопись.

– Прабабка?

– Да какая прабабка! Он.

– И что?

– Вот и слушай, – Игорь оглядывается по сторонам, хотя кроме нас на площадке никого нет. Наклоняется ко мне и край столешницы прячется в складке его живота, – мне нужен талантливый, кропотливый парень со знанием темы.

– Для чего?

– Чтобы сделать ирландца счастливым.

– Ты рехнулся?!

Либерман смеётся. До него доходит смысл только что сказанного. Меня раздражает эта двусмысленность в его фразах. Чисто *русские штучки*. Я воспринимаю всё так, как слышу. Не желаю вникать в полутона, интонацию и игру слов. И в то же время, мне нравится общаться с Либерманом. Учусь у него, хотя и не знаю – пригодится ли мне эта наука.

– Ты неправильно понял, Пол.

– Надеюсь...

– Нужно сработать классику, понимаешь? Закатать полотно под Шишкина... ну, или там... Поленова. Ещё Кандинского любит. У меня есть на примете парочка независимых экспертов, которые подтвердят, – мол, картины настоящие.

– А если он захочет своего эксперта?

– Ха! В этом вся фишка. Я не продавец, я только сведу его с человеком, который продаёт картины и всё. У ирландца тут связей особых нет, недавно в штатах. Но со мной у него уже всё тип-топ. Я его штурман в море искусства. Он в первую очередь ко мне обратится. Ну, это не твои проблемы. От тебя требуется только одно – закосить под классика.

– Закосить?

– Подделать.

Я молчу, соображая, чем может закончиться такая афера. Если Либермана возьмут за жопу, он меня сразу сдаст. С другой стороны, это тебе не три тонны за *Рай невинных*. Тут речь идёт о миллионах. Понятно, что львиную долю подгребёт Игорь, но за хорошо симитированного Поленова я могу получить сотню штук, как минимум. Тогда можно подумать о реставрации исламской Испании в каком-нибудь райском уголке. Пускай и не здесь, пускай в Джерси. Можно попробовать, чем чёрт не шутит.

– Ну, так что? – торопит меня Либерман.

– Мне надо подумать. Хотя бы несколько дней. Я не могу так вот – сразу...

– Тут и думать нечего. За Поленова я тебе откину полторы сотни, за Шишкина сто. Если возьмёшься за Кандинского – триста тысяч у тебя в кармане.

– Кандинского не смогу, – отвечаю, – Поленова, пожалуй, да. Шишкина, тем более.

– Так что, по рукам? Я на следующей неделе подберу список работ и...

– Подожди, какой список? Я думал, неизвестная работа нужна... он что, идиот?!

– Не совсем. У него игорный дом в *Big Easy*. Деньги есть, а по каталогам он шерстить не будет. Не из той породы. Нувориш, хочет соответствовать, понимаешь? Тем более, работы возьмём из частных коллекций.

– Ты сам-то понимаешь, что если вскрыется – нам крышка? Этот твой ирландец и без экспертов расколет нас в два счёта!

– Слушай, я тоже не вчера родился.

Либерман нервничает, протирает очки и снова тулит их на свой мясистый нос. Выдыхает, успокаивается и спрашивает:

– Ты знаешь, сколько картин написал Каро?

– Нет, – отвечаю.

– Шесть сотен. За всю карьеру.

– Ну? И что?

– А то, что по Штатам их гуляет аж три тысячи! И это только в Америке. В Лондонской галерее десятки лет висел портрет Веллингтона, а в шестьдесят пятом оказалось, что никакой это, нахрен, не Гойя, а так... фальшивка. Я уж не говорю, сколько говна навезли в Метрополитен. Дай бог, процентов тридцать из всего этого хлама, действительно представляет ценность.

Игорь почти убедил меня, и я сказал, что мне нужно время, для того чтобы обдумать его предложение.

– Ты не подумай Пол, что после этой сделки я буду сидеть на жопе в Бронксе и с умным видом толкать левые картины. Это разовая акция, я уже давно хочу уйти на покой. Снимаем деньги и растворяемся. Ты вообще не при делах, чего переживать? Тебе даже не придётся встречаться с покупателем.

– Почему я?

– Потому что я с тобой уже три года работаю. И знаю тебя. Это, во-первых. А во-вторых, может, креатива в тебе ноль, но симитировать Поленова для тебя – раз плюнуть. Думаю, и Кандинского тоже.

Мне почему-то хочется заехать ему прямо по центру тонкой металлической оправы очков. Так, чтобы они сложились вдвое. Интересно, пот с его рожи останется у меня на кулаке? Креатива нет, сука такая!

– Ну?!

– Я же сказал – подумаю.

– Думай быстрее.

В дорожных тянучках размышляю, не слишком ли широкие горизонты открылись для меня сегодня. *Chevrolet* Дона соглашается со мной, содрогается капотом и глохнет на светофорах. Под яркой оболочкой постукивает и захлёбывается его изношенное сердце.

Дон трепетно осматривает машину. Я виновато чешу в затылке.

– Правую дверь тиранул слегка, извини...

– Где? – китаец обегает *Impala* и возит ладошкой по сияющему оранжевому боку.

– Шучу.

– Да пошёл ты...

Дону я о своём разговоре с Либерманом не рассказываю. Говорю, что всё о'кей, и что продал три картины. Этого достаточно.

Глава 9. Среда. Сальса

Мы сидим в последнем ряду Зелёного театра – я и Боб. Сидим давно, с полчаса, наверное. Остальных участников намечающегося действия пока не видно. А тем временем уже вечер.

Упоминание о том, что меня ждут в Сантьяго-Гуаякиль, просьбы созвониться с фирмой, или хотя бы с родственниками в Москве, Боба даже не раздражают. Он просто оставляет их без внимания. Разговор постепенно сводится к танцам. Я намекаю Бобу, что никогда не танцевал сальсу.

– Когда-нибудь всё приходится делать впервые.

– Спасибо, ты даже не представляешь, насколько мне стало спокойнее. Я просто порву сейчас всех! Выйду и порву нахер! Ты сам-то понимаешь, что этому нужно учиться? Возможно несколько лет!

– Что сложнее: совершить предательство или заняться сексом?

– Ты достал своими вопросами.

– Не можешь ответить?

Я молчу, и Боб продолжает:

– И то и другое одинаково просто. Знаешь, почему?

Я продолжаю молчать и делать вид, что мне не интересно.

– Способности в нас заложены с пелёнок. И то и другое так же естественно для человека, как пописать.

– При чём тут секс и предательство?

– Танцы, это вертикальное выражение горизонтальных желаний. Это что касается секса.

– Кто тебе сказал?

– Бернард Шоу. Не лично мне, конечно.

Чёрт с ним, мирюсь с неизбежностью, стараюсь разузнать больше о сегодняшней вечеринке.

– И в чём фишка?

– Для начала, необходимо выбрать партнёршу.

– Я уже выбрал, – отвечаю не задумываясь.

Боб скалится.

– Не сомневаюсь, но боюсь, что мотиваций у тебя маловато.

– А кто участники? – спрашиваю, – женщины, я имею в виду.

– Александра, Серафима, Белла и Мария – это из тех, с кем ты знаком. Ещё двое, это Марта и Урсула.

– Марта, это жена ботана? Профессора?

– Да. Профессора Питера.

– А Урсула?

– Она девушка Сверчка.

– Сверчка?

– Его имя Саймон, но мы называем его Сверчок.

– Это та самая влюблённая пара? Что возле леса живут?

– Они самые.

– Хорошо, я уже выбрал. Что дальше?

– Повторюсь. Мотиваций у тебя недостаточно.

– Мотивации у меня самые что ни на есть горизонтальные, ага. По Бернарду.

Боб цокает языком и покачивает головой.

В этот момент появляются остальные участники. На сцену поднимаются те, кого только что назвал Боб. Из мужчин: идиот Майки, профессор Питер, влюблённый Сверчок, ненормальный из бара, имени которого я до сих пор не знаю, и счастливчик Альберт.

Боб толкает меня локтем, кивает в сторону сцены, и я иду к остальным. К нам присоединяются Сэм и Боб. Замечаю, что на входе топчутся двое охранников. Ещё парочка справа и слева от сцены. Обложили, суки. Сам не захочу – заставят. И это будет просто нелепо выглядеть. Придётся забиваться в танце, как ни крути.

Перед нами стеклянный шар с отверстием. На дне свёрнутые бумажки. Эдакая незатейливая мандолина для розыгрыша малобюджетной лотереи. Жду своей очереди и вполголоса переговариваюсь с Бобом.

– И что? Ты это называешь выбором? Уважаемый, а вам понятие теория вероятностей знакомо?

– На ментальном уровне ошибка практически сводится к нулю.

– Что за хрень! Какой ментальный уровень?

Подходит моя очередь и Боб подталкивает меня к шару.

– Тяни.

Качаю головой, улыбаюсь, больше от бессилия. Подхожу к стекляшке и запускаю руку в отверстие. Перебираю бумажки и думаю только о супруге Альберта. Скольжу взглядом по участницам и вижу, что Белла не сводит с меня глаз. Впрочем, как и Серафима. Черт меня побери, все остальные так же пялятся на меня!

Вытаскиваю свёрнутый в трубочку клочок и разворачиваю. С ужасом вижу имя, написанное печатными буквами: *Александра*.

– Твою мать... – говорю сквозь зубы, продолжая улыбаться.

Иду в зал, занимаю место в первом ряду в ожидании своей очереди. В процессе *выбора* выясняется, что Белла танцует с Альбертом, остальные меня мало интересуют. Я не то, чтобы опечален. Я зол. Рядом присаживается Боб.

– Чушь, эта ваша жеребьёвка. Простая случайность. Или всё подстроено. Белла досталась собственному мужу, вот это я понимаю – мотивация!

– Тут нет ничего случайного, – отвечает Боб. – Твои желания недостаточно сформированы, Саша. В них нет главного.

– Тогда объясни – почему эта чокнутая? Почему именно она?! А, понял! Там есть главное? – последнюю фразу произношу нарочито таинственным тоном.

– У тебя обязательства.

– Какого чёрта! Что ещё за обязательства?

– Ты ей соврал. И не один раз. И соврал ты не только ей.

Боб пристально смотрит мне прямо в глаза.

– То есть, если я с ней станцую, то сниму с себя обязательства?

– Смотря как станцуешь...

– Бред! Да вы тут идиоты все!

– Хорошо. Ты заметил, что бумажек в шаре гораздо больше, чем участников?

– И что?

– А то, что имена там повторяются. Но ты вытянул именно эту бумажку. Это к вопросу о ментальном уровне.

Боб встает с места и обращается к присутствующим, но в основном к Сэму.

– Минуту внимания! Александр выразил сомнения по поводу правильности результатов выбора партнёрши. Думаю, имеет смысл доказать ему, что это не так, как считаете?

Сэм кивает, остальные одобрительно гудят, и Боб предлагает мне подняться на сцену. Тяну его за рукав, говорю еле слышно, чувствую, как все смотрят на меня:

– Слушай, ну к чему весь этот цирк? Пускай уже будет твоя Александра, чёрт с ней. Боб неумолим.

Передо мной всё тот же стеклянный шар. Я запускаю в него пятерню, вытаскиваю бумажку и разворачиваю. *Белла* – читаю на клочке.

– Тяни ещё.

Вытаскиваю следующий листок. Разворачиваю. *Белла*. Затем ещё один с этим же именем и ещё...

Этого не может быть! Как при таком количестве записок с именем Белла я умудрился вытащить Александру?

Ворох бумажек у меня под ногами растёт. Я уверен, что это подлог, хотя и видел, что к шару никто не приближался. Как они это делают? Чувствую, что краснею, но снова запускаю руку в шар. Вытаскиваю и переминаю в пальцах скатанный в трубочку листок.

– Ну, разворачивай, – говорит Сэм.

– Да ладно...

– Всё справедливо?

Я киваю.

– Претензий нет?

– Нет, – шиплю себе под нос.

– Не слышу.

– Нет! Нет претензий! – ору я и иду на своё место.

Первые Альберт и Белла. На ней совсем короткая юбка, я могу видеть, как её рельефные ноги выписывают в воздухе замысловатые пируэты, и как крепко она стоит на этих самых ногах. Танцуют они просто блестяще – настоящая пара. Мне кажется, что я не видел ничего настолько животного. Если бы Альберт сейчас жарил Беллу прямо на сцене, это выглядело бы менее сексуально.

Я понимаю, каким индюком буду смотреться в паре с вертлявой Александрой: окорок и безумная стрекоза. Думаю об Александре и одновременно с этим, даже не стараюсь смотреть в сторону своей ментальной избранницы. Зато до чесотки ощущаю, как Майки буравит меня взглядом.

– Как бы до поножовщины не дошло, – вполголоса обращаюсь к Бобу, не сводя глаз со сцены. – Сашин дружок наверняка уже на пределе.

– Исключено, перетерпит. Сегодня можно практически всё.

– Правда?

– Да.

– А позвонить? Позвонить, можно? – в шутку спрашиваю я, но Боб только морщится.

Следующая пара – Серафима и Сверчок. Она напыщенно феерична, он весь такой влюблённый. Но не в неё. Наверняка думает о попке своей Урсулы. Меня они мало интересуют, и я снова терзаю Боба расспросами.

– Почему я не могу станцевать с Беллой? Ну, допустим, я бы вытащил бумажку с её именем.

– А у тебя получится?

– Не знаю, – и тут же спохватившись, – да, получится! Естественно!

– А что ты для этого сделал?

– Да ничего... не успел. У меня не было возможности...

– Возможность бежать из лагеря ты нашёл. Нахамить Серафиме – тоже. Поругался с Сашей, подрался в баре. Дальше продолжать?

– Ты подтасовываешь факты.
– Пускай так. Но с Беллой ты не обмолвился ни словом. Что, нечем крыть? Тебе что, совсем нечего ей сказать?
– Слушай, ты же сам советовал не связываться с замужними, разве нет?
– А ты всегда слушаешься чужих советов?
Боб глядит на меня, и глаза его улыбаются. Мне нечего ответить. Я встаю и иду на сцену. Настала моя очередь поразить публику.

Александра не сводит с меня глаз, прищуривается. Говорит еле слышно, сквозь зубы:
– Не вздумай меня лапать.
Краем глаза вижу сидящего в зале Майки, при этом нагло рассматриваю Сашу. Если сегодня можно всё, то я непременно ущипну её за сиську. На секунду мне кажется, что я произнёс это вслух, так округлились глаза Александры.
– Хватит пялиться, козёл.
Меня зло берёт. Я не жду первой ноты. Делаю шаг и кладу ладонь прямо на задницу партнёрши. При этом вопросительно смотрю ей в глаза – как тебе такой поворот, малышка?
Музыка. Я пытаюсь двигаться, стараюсь не вывалиться из ритма. Не ощущаю себя, но понимаю; всё, что сейчас происходит на сцене – убого.

Танцем это назвать нельзя.
Спаривание богомола с ватрушкой.
Бой пингвина с тенью.
Всё что угодно, но только не танец.
– Да ты просто пень.
– Костлявая сучка!
– Майки тебя убьёт.
– Насрать мне на твоего Майки.

Я прикрываю глаза, стараюсь состыковаться с ритмом, и если получится, импровизировать. Но Александра на полшага быстрее меня. Я постоянно опаздываю, мной овладевает ненависть ко всему латиноамериканскому.

К Александре. И вообще, к танцам.
К бабам.
К себе.

Представляю, с каким удовольствием я бы зашвырнул партнёршу со сцены в первые ряды кресел.

Очень не хочется позора. Понимаю, что Белла сейчас в зале, смотрит на нас, на меня. Все смотрят.

Внезапно мне становится безразлично всё, что происходит. И в какой-то момент я ловлю ускользающую руку Александры. Тяну на себя и ухожу в противоположную сторону, несколькими брейками.

Один.
Два.
Три.

Разворачиваюсь, и снова чувствую её запястье. Теперь партнёрша расслаблена. Скольжу по диагонали, уже не теряя ритма.

Появляется стойкое ощущение ненависти, настолько сильное, что я могу двигаться с совершенно закрытыми глазами. Она сама ведёт меня по сцене. Мне хочется плоти.

И крови.
Я вспоминаю.

Однажды видел стиль Майами. Да, да, да. Он ещё называется Кубинским. Было по-настоящему страшно за ведомую. Казалось, ещё немного и парень вырвет ей руки.

Наши пальцы крепко сидят в замке. Я резко и с силой тяну Александру на себя и в сторону.

Разворот.

Ещё сильнее и ещё более резко. Ещё разворот, и я с силой бросаю партнершу по диагонали.

Мне показалось или она вскрикнула? Её ладони стали тяжелыми, как будто неживыми. Что-то тёплое и солёное ударило в лицо. Рубашка тут же прилипла к телу.

Кровь? Неужели я и вправду оторвал её костлявые клешни?

Открываю глаза.

У Александры совершенно безумный взгляд. Она тяжело дышит. Руки на месте. Музыка нет. Облизываю губы, но соль на них своя, это не кровь. Это пот.

Всё.

Похоже на финал. Может быть, и не очень красиво смотрелось со стороны, но я определенно получил удовольствие.

Помогаю Александре спуститься со сцены, но она фыркает и отдёргивает руку. Дура.

Присаживаюсь рядом с Бобом.

– Ну как?

– Быть отвратительно равнодушным у тебя получается хорошо. Ненавидеть ты хочешь, но не умеешь. Куда уж тебе любить...

– Слушай, мне двадцать семь. Думаешь, я никогда не любил? Откуда такая уверенность? Ты сам-то любил кого-нибудь?

– Любят не кого-нибудь, а конкретного человека.

– Не передёргивай. Ты понял, о чём я.

Меня зло берёт от того, что мой танец не оценили по достоинству. Да, может быть в дебюте я и напортачил, но в финале то уж точно не слукавил. Сам чувствовал.

Смотрю на сцену, где сумасшедший терзает Марию. Она снисходительно позволяет делать ему всё, что он хочет. Вплоть до откровенно паскудных движений в её сторону. При этом Паганини смахивает на годовалого щенка, пытающегося взобраться на течную сучку.

– Слушай, а как его зовут?

– Брендон.

– Что, тот самый, которому...

Вот дьявол! Я спалился. Боб кивает и смотрит на меня, улыбается. Впрочем, он наверняка в курсе, что я тогда притворялся и слышал весь их разговор. Он ведь конкретно дал понять, что не поверил в мой обморок. К чему тогда эта игра в кошки-мышки?

– Ну да. Тот самый, которому ноги пришлось ломать, – говорит Боб.

– Подожди, как же он...

– Танцует? Это было давно. Полгода назад... в последний раз.

– Что значит – в последний раз?

– А то и значит, что первое время приходилось прибегать к крайним мерам почти каждую неделю. Но он был неисправим, что мы только не делали. В итоге приходится признать своё поражение, Брендон положил нас на лопатки. Пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.